

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА**

Н. А. ГОРБАНЕВ

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ
МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ**

Махачкала 1981

Печатается по решению Совета Дагестанского государственного университета им. В.И.Ленина

УДК 82.09 (09)

В пособии освещается первый период критической деятельности Г.В.Плеханова - зачинателя русской марксистской критики. На фоне и в контексте общественно-литературной борьбы эпохи рассматриваются статьи Плеханова о народнической литературе 70-80-х годов и его выступления в защиту наследия классиков русской демократической критики. Библи. 71 назв.

Р е ц е н з е н т ы : кафедра русской литературы Дагестанского государственного педагогического института, доктор филологических наук С. М. Х а и б у л л а е в.

Темплан 1981 г. № 1619

© Дагестанский государственный университет
имени В.И.Ленина

Махачкала - 1981

82-4

8540a

кон. жос.

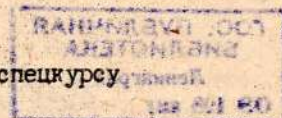
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Дагестанский государственный университет
имени В.И.Ленина

Н.А.ГОРБАНЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ
ПЛЕХАНОВ И ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА 80-90-Х ГОДОВ

Пособие по спецкурсу

Махачкала - 1981

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Постановка спецкурса "Плеханов и литературная борьба 80-90-х годов" может быть мотивирована следующими соображениями.

Критическая деятельность Плеханова этого периода приходится на время исторического спора между русскими марксистами и народниками. Она теснейшим образом связана с узловыми проблемами идейной борьбы эпохи. Вопросы о судьбах капитализма в России и перспективах исторического развития страны, о выработке правильной революционной теории и научной методологии, об отношении к наследию революционно-демократической мысли и ряд других ставились и решались Плехановым не только в таких, ставших классическими, произведениях этих лет, как "Социализм и политическая борьба", "Наши разногласия" и "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", но и в работах эстетического и литературно-критического характера.

В серии статей "Наши беллетристы-народники" Плеханов дал марксистский анализ народнической литературы 70-80-х годов - одного из основных направлений русской прозы последней трети XIX века, стоявшего в самом центре литературно-общественной борьбы своего времени. Он впервые в России применил здесь методологические принципы марксизма к исследованию и оценке литературных явлений - и тем самым положил начало не только марксистскому истолкованию народнической литературы в лице таких замечательных художников-реалистов, как Г.И.Успенский, Н.Е.Каролин-Петропавловский, Н.И.Наумов и др., но и новому - марксистскому - этапу в истории русской литературной критики.

Утверждая принципы марксизма в области методологии литературной критики, Плеханов опирался на материалистические традиции критики революционных демократов - Белинского, Добролюбова и Чернышевского и боролся с методологией народнической "субъективной" школы и воинствующим идеализмом первых критиков-декадентов. Замечательным памятником борьбы ранней марксистской публицистики за философско-эстетическое и критическое наследие русских революционных демократов является вторая серия статей Плеханова - "Судьбы русской критики" и примыкающие к ней работы.

Представляя бесспорный историко-литературный интерес, статьи Плеханова о писателях-народниках и классиках русской демократической критики (а именно им отведено главное место в предлагаемом по-

81-88500
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград 2368
09 198 лет

себя) имеет вместе с тем и немалую "остающуюся стоимость". В трудах Н.И.Соколова, П.А.Николаева, В.И.Бессонова, С.С.Деркача, Даниила Якоба, Н.М.Раковской и других исследователей много сделано по выявлению того положительного, что дают статьи Плеханова для понимания народнической литературы 70-80-х годов и наследия революционно-демократической критики. Работа в этом направлении может быть продолжена. Глубоко современными делает статьи Плеханова также богатство их теоретического содержания.

Что касается содержания и структуры спецкурса, то предметом рассмотрения могут явиться - помимо двух названных серий статей - и другие работы Плеханова периода 80-90-х годов. Это в первую очередь общие и специальные работы, в которых освещаются вопросы истории и теории эстетики и социологии искусства ("К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", "Очерки по истории материализма", "Письма без адреса", рецензия на "Историю французской литературы" Г.Лансона и др.), а также отклики на произведения текущей беллетристики ("Вонхонская барышня" А.Эртеля, "По-другому" П.Боборыкина и т.п.). По недостатку места они остались за пределами данного пособия.

В приложении дается список основной литературы по теме; приводятся главным образом работы, посвященные литературно-критической деятельности Плеханова в период 80-90-х годов.

Ссылки на издания: Литературное наследие Г.В.Плеханова, об. 1-УШ. Соцэкгиз, М., 1934-1940; Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения, тт. 1-У, Госполитиздат, М., 1956-1958 - даются без указания выходных данных.

Ссылки на издание: Г.В.Плеханов. Собрание сочинений, тт. 1-XXIУ, Госиздат, М.-Л., 1923-1927 - даются в тексте с указанием тома и страницы.

ПЛЕХАНОВ И НАРОДНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
70-80-х ГОДОВ

1

После того как молодой Плеханов в начале 60-х годов идейно порвал с народничеством, стержнем его литературной деятельности становится критика народнического догматизма во всех его видах, с одной стороны, и защита и утверждение принципов марксизма - с другой. Двухединая эта задача была тем центром, из которого исходило и к которому тяготело все то, что Плеханов писал в 80-е и 90-е годы в качестве публициста и философа, социолога искусства, литературного критика и историка русской общественной мысли.

Статьи и критические отзывы Г.В.Плеханова, посвященные народнической литературе, также находятся в тесной зависимости от вопросов и проблем, которые стояли перед русскими марксистами в пору их борьбы против утопического социализма народников.

Как известно, в числе разногласий, разделивших марксистов и народников и их историческом споре, одним из важнейших был вопрос о судьбах капитализма в России, о том, "должна или не должна Россия пройти через школу капитализма". "Около этого вопроса, - подчеркивал В.И.Ленин, - сосредотачивались самые живучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения"¹.

В применении к крестьянской России этот кардинальный вопрос чаще всего принимал форму: быть или не быть общине?

В глазах народников старые общинные формы труда и быта, созданные якобы коллективным народным "духом", являлись надежной гарантией от проникновения в Россию капитализма и залогом лучшего будущего народа. В этих "старо-дедовских" устоях народники видели связующее звено, по которому русский народ, минув мутные воды капитализма, может перейти к социализму.

С середины 70-х годов община становится объектом всестороннего изучения. В преддверии спора между марксистами и народниками создается обширная литература о сельской общине в ее историческом развитии и современном состоянии. Наряду и почти одновременно с учеными исследованиями защитников общины - Щербини, Капустина, Язова-Каблица и других и объективными работами Зибера, Ковалева-

1. В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, с.275.

ского и Орлова появляются художественные исследования народной жизни Глеба Успенского, Н.Н.Златовратского, Н.Е.Каролина-Петропавловского.

В ходе начавшейся между народниками и марксистами полемики вопрос о судьбе общины в ее тяжбе с капитализмом приобрел еще большую остроту. Так как главная доля хозяйства страны приходится на земледелие, а основной формой землевладения является община, враждебная будто бы духу индивидуализма и наживы, то - заключали отсюда народники - именно община является той преградой, которая останавливает развитие капитализма. А марксисты доказывали, что "вековые устои народной жизни", на которые уповали народники, под натиском того же капитализма рушатся, как карточные домики, что ид индивидуализма проникает в общину и убивает "общинный дух" крестьянства и т.д.¹

Будущее принадлежало тому направлению, которое давало правильное решение этого вопроса и правильно оценивало перспективы экономического развития России. Но вопрос этот имел и другую сторону. На какой общественный класс должна опираться демократическая интеллигенция в своих революционных стремлениях, с каким классом связывать свою судьбу и надежды на будущее страны? На эти вопросы по-разному отвечали представители различных течений крестьянской демократии и идеологии пролетариата. "Человек будущего в России - мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России - рабочий, думают социал-демократы"², - так формулировал точку зрения тех и других В.И.Ленин.

В борьбе с народническими взглядами на общину и крестьянство марксисты не раз обращались к художественным наблюдениям писателей-народников, к нарисованным ими картинам "деревенской неурядицы". Особенно популярным писателем в этом отношении был Глеб Успенский, которого в разгар спора, по воспоминаниям одного из современников, "читали с карандашом в руке, изучая и вчитываясь в его произведения,

1. Нарисованная и марксистская точки зрения на этот вопрос наиболее полно и четко выражены в главе "Капитализм и мирское землевладение" работы И.Юзова "Основы народничества" (СПб. 1882) и в главе "Капитализм и общинное землевладение" работы Плеханова "Наши разногласия".

2. В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, с.310.

или если бы это были ученые, статистические и экономические исследования"¹.

На авторитет Глеба Успенского ссылались члены группы "Освобождения труда" В.И.Засулич и Н.Б.Аксельрод, сотрудники первой легальной марксистской газеты "Самарский вестник" А.А.Санин, ранние русские марксисты И.А.Гурвич и Н.Е.Федосеев, а также целый ряд легальных марксистов (Богучарский, Струве, Португалов и другие).

В.И.Ленин, возглавивший в 90-е годы борьбу против народничества, неоднократно обращался в своих трудах и рассказах и очерках Успенского, высоко ценя его "анализ всех общинных иллюзий"², его "превосходное знание крестьянства" и "громадный артистический талант, проникающий до самой сути явлений"³.

Особенно широко использовал в борьбе с народничеством произведения Успенского и других писателей-народников Плеханов. Его первая марксистская работа - брошюра "Социализм и политическая борьба" появилась в октябре 1883 года. А уже в следующей за ней работе "Наши разногласия", вышедшей в январе 1885 года, Плеханов обращается к нарисованной в "Деревенских буднях" Златовратского картине разложения общины, приводит из очерка Успенского примеры разлагающего влияния денежного хозяйства на семейную общину и т.д. К творчеству писателей-народников Плеханов охотно прибегает в своей публицистике и позже, вплоть до книги "Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова" (1886), заключающей его полемику с народниками по вопросу об экономическом развитии России.

В 80-90-х годах он создает литературно-критический цикл "Наши беллетристы-народники", представляющий собой первый в истории русской критики опыт приложения марксистского учения к анализу литературных явлений. В трех статьях этой серии критик дал глубокое истолкование явлений народной жизни, отразившихся в произведениях

1. А.И.Богданович. Годы перелома (1885-1906), СПб., 1908, с.356-357.

2. Ленинский сборник, т.ХІХ, с.280.

3. В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, с.263. Подробнее см.: И.И.Пруцов. В.И.Ленин о Глебе Успенском. - Уч.зап. Института мировой литературы им. А.М.Горького, т.1, М., 1952; И.И.Сokolov. В.И.Ленин о творчестве Глеба Успенского. - В его кн.: Критики и литература. II., 1977.

Успенского, Каронина и Наумова, творчества каждого из названных писателей и литературного народничества в целом.

Внимание Плеханова к творчеству целого ряда писателей - народников в 80-90-е годы объясняется, в основном, двумя причинами. Во-первых, правдивые наблюдения этих писателей над экономикой и бытом русской деревни пореформенной поры имели для него важное значение в борьбе с народническим догматизмом. То обстоятельство, что эти наблюдения исходили от писателей-народников, придавало им в глазах Плеханова особую ценность, как бы подчеркивая лишний раз верность и беспристрастность приводимых им данных. С другой стороны, все эти писатели в той или иной мере испытали на себе влияние народнической идеологии, которая так или иначе сказалась на их творчестве, обусловила собой известные погрешности в их наблюдениях. Критика специфически народнического элемента в произведениях писателей этой школы - наиболее крупной и влиятельной в русской литературе 70-80-х годов, находившейся в центре внимания и критики, и читателей, - также входила в задачу марксистской публицистики.

На материале крестьянских рассказов и очерков Наумова и Златовратского, Успенского и Каронина Плеханов поднимает весь круг вопросов, возникших в ходе споров вокруг судьбы общины: о разложении общинных устоев и его причинах, о социальной дифференциации среди крестьянства, о перспективах развития буржуазных отношений в деревне и т.п. В первых двух статьях серии "Наши беллетристы-народники" на основе произведений Успенского и Каронина им разрабатываются и другие, столь же тесно связанные с борьбой против народничества, вопросы: о том, какому классу принадлежит будущее и что делать передовой интеллигенции. В народнической литературе 70-80-х годов он находил не только постановку этих коренных, центральных вопросов времени, но часто и ответы на них, правильные их решения.

Проблематика статей и отанвов Плеханова о народнической литературе, таким образом, связана с наиболее острыми и важными проблемами общественно-литературной борьбы 80-90-х годов. В этом смысле все, написанное Плехановым о писателях-народниках, служило прекрасным дополнением к его боевой публицистике этого периода.

В то же время в серии статей "Наши беллетристы-народники" Плеханов выдвигает и собственно литературно-критические задачи, стремится объяснить сильные и слабые стороны народнической литера-

туры 70-80-х годов.

В программной работе "Г.И.Успенский" (1888) он характеризует литературное народничество как особое течение в русском реализме, несущее в себе черты народнической романтики. "Наша народническая беллетристика вполне реалистична" (X,15), - заявлял здесь Плеханов. Вместе с тем он отмечал, что "в русском народничестве кроется большая доза романтики"¹, которая также нашла свое выражение в творчестве писателей-народников.

Какой смысл связывал критик с этими двумя понятиями - "реализм" и "народническая романтика", которые характеризовали в его глазах два начала народнической литературы 70-80-х годов?

Под реализмом Плеханов подразумевал, во-первых, правдивое изображение жизни в литературе и искусстве. То, что он назвал литературу народников "вполне реалистичной", означало прежде всего признание ее "глубоко правдивым литературным направлением" (X,15). Но термин "реализм" употребляется им также для обозначения художественного метода, ведущего к воссозданию в искусстве правды жизни и отличающегося, например, от романтизма и натурализма. Мысли Плеханова о реализме как художественном методе, высказанные в рецензии на "Историю французской литературы" Лансона и в других работах, во многом перекликаются с его суждениями об особенностях реалистического искусства писателей-народников.

Сравнивал в своей рецензии приемы изображения "страстей" и "обстановки", человека и среды у романтиков и Бальзака, Плеханов писал: "Перечитайте предисловия, которые писал Гюго к своим драмам; вы увидите там, как понимали романтики задачу психологического анализа. Гюго обыкновенно сообщает, что он в данном своем сочинении хотел показать, к чему приводит такая-то страсть, поставленная в такие-то и такие-то условия. Человеческие страсти "берутся" при этом в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной, можно сказать, совершенно у то п и ч е с к о й обстановке. С подобной же "психологией" мы в огромном большинстве случаев встречаемся в романах Жорж Занд. Сочинения Бальзака чужды этого недостатка. Он "брал" страсти в том виде, какой давало им современное ему буржуазное общество; он со вниманием естественного наблюдателя следил за тем, как они растут и развиваются в данной общественной

1. Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т.У, с.754.

с р е д е. Благодаря этому он сделался реалистом в самом глубоком смысле этого слова, и его сочинения представляют собой незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа¹. Эти положения дополняет замечание о том, что Бальзак был великим мастером изображать, как общественная "психология приспосаблиется к экономике" благодаря чему он в своих романах "много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества" (УП, 237).

Сумма признаков, отмеченных здесь в методе Бальзака: конкретное-историческое изображение человека и общественной среды, социальный детерминизм, изображение человека и среды в движении, развитии и характеризует, по мысли Плеханова, реализм как художественный метод, который открывает перед художником возможность наибольшего приближения к правде жизни. Необходимое следствие такого подхода к изображению жизни - создание реалистических типов, отражающих "психологию целых общественных классов или, по крайней мере, слоев" (X, 190).

Реализм "в самом глубоком смысле этого слова" был присущ и народнической литературе 70-80-х годов. Во всяком случае Плеханов, используя в борьбе с утопическими взглядами и представлениями народников произведения Златовратского, Г. Успенского и Каронина, выделяет как раз те особенности их творчества, которые отвечают его пониманию реализма.

Так, идеальной, абстрактной общине, общине *an sich* (в себе), которую рисовали в своих трудах народники-легалисты, Плеханов противопоставляет "современную общину со всеми ее современными, действительными, а не вымышленными условиями" (X, 83), общину, как она выглядела в рассказах и очерках беллетристов-народников.

Высоко оценил Плеханов теоретическую и художественную мысль Глеба Успенского, нашедшего ключ к психологии крестьянина, к его чувствам, понятиям, ко всему складу народной жизни в условиях земледельческого труда. В этом отношении, то есть в деле изображения психологии данного общественного класса в зависимости от его экономического бытия, Успенский, по словам Плеханова, "сместо может быть поставлен рядом с Бальзаком"².

1. Литературное наследие Г. В. Плеханова, со. VI, с. 344.
2. Там же, с. 224.

Этот принцип реализма, хотя и с меньшей яркостью, получил выражение и в творчестве других писателей-народников.

Большую заслугу народнической беллетристики Плеханов видел также в том, что в рассказах и очерках Г. Успенского, Златовратского и особенно Каронина, рисовалась не неподвижная картина, а процесс русской народной жизни, народ изображался не таким, "каков он есть" (обычные метафизические приемы народников-публицистов), а таким, каким он становится под влиянием происходящих в пореформенной деревне перемен. В силу этого писатели-народники, рисуя экономический быт русской деревни, сумели запечатлеть в своих произведениях как самый процесс его разложения, так и его общественные и психологические последствия" (X, 130-131).

Наконец, Плеханов говорит о характерном для народнической беллетристики стремлении к типизации жизненных явлений. "Она ищет в народе человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов" (X, 14). Реалистическими типами огромной обобщающей силы Плеханов считал крестьянина Ивана Ермолаевича (в очерках Успенского "Крестьянин и крестьянский труд") и молодого рабочего Михаила Лукина (в повести Каронина "Снизу вверх").

Наряду с этими общими свойствами реализма народнической литературы 70-80-х годов Плеханов выявляет и другие, особенные черты ее, типичные только для русского реализма пореформенной поры.

"Народническая беллетристика, - пишет он в статье об Успенском, - рисует нам не индивидуальные характеры и не душевные движения личности, а привычки, взгляды и, главное, общественный быт массы" (X, 14). Это суждение Плеханова имеет двойный смысл.

Во-первых, Плеханов отметил здесь ту особенность народнической литературы, что в ней в качестве главного объекта изображения и главного героя произведения выступают не отдельные представители крестьянства, а крестьянская масса в целом, деревня или даже целый ряд деревень. Действительно, многие писатели народнического направления, стремясь к воссозданию широкой, синтетической картины жизни крестьянства, рисовали в своих произведениях коллективный портрет деревни. Отсюда, между прочим, тяготение некоторых из этих писателей к форме "народного романа", восходящей к Решетникову ("Хроника села Смурина" и другие романы Засодимского, роман Златовратского "Устой" с характерным подзаголовком "История одной дерев-

ни"), а других - к объединению своих рассказов и очерков в серии и циклы, благодаря чему отдельные наблюдения над "людьми и нравами современной деревни" естественно складывались в цельную картину народной жизни ("Деревенские будни" того же Златовратского, "Из деревенского дневника" Глеба Успенского, "Рассказы о парашкинках" Каронина, "В волостных писарях" Астирева, "Записки степняка" Эртеля и т.п.).

Во-вторых, Плеханов подчеркнул еще одну важную черту народнической литературы: пристальное внимание ее не столько к человеку и его духовному миру, сколько к окружающей его среде, к "общественному быту" деревни и к "жгучим вопросам народной экономики" (X, 14).

Еще в 1860 году Н.А.Добролюбов, характеризуя основные направления в русском реализме того времени, указывал на существование в нем двух школ. В произведении ^{тулунской} школы, говорил критик, довольно живо изображался человек, заеденный средой, "но самая "среда" и ее отношение к человеку рисовались бледно и слабо. Изображение "среды" приняла на себя щедрина школа"¹. Это можно сказать и о русской литературе 70-80-х годов, в которой преобладали те же две тенденции в изображении человека и среды, в том числе человека из народа и народной среды. Вторую тенденцию, которую Добролюбов связывал с именем Щедрина, как раз представляла и развивала в этот период народническая литература. Ее занимала не столько внутренняя жизнь крестьянина, его психология, как, например, Льва Толстого, сколько его связь со средой, сама эта среда, то есть вся совокупность условий его реально-исторического бытия. В этом смысле к "щедрической школе" примыкали в 70-80-е годы в своих произведениях Н.И.Наумов и Н.Н.Златовратский, Г.И.Успенский и Н.Е.Каролин-Петропавловский и целый ряд других писателей, в центре внимания которых стоял общественный и экономический быт русской деревни. Делая в той же статье об Успенском различие между "художниками-психологами" (Достоевский, Толстой) и "художниками-социологами" (писатели-народники), Плеханов оттенял эту особенность литературы народничества.

Следует, однако, заметить, что Плеханов не считал грань между этими двумя типами художников абсолютной. Подобно тому, как изобра-

1. Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1952, с. 72-73.

жение крестьянской массы не исключало, по Плеханову, обрисовки индивидуальных характеров, так и интерес к среде не закрывал писателям-народникам путь к внутреннему миру человека. В обоих случаях речь идет лишь об основных, определяющих устремлениях в творчестве писателей-народников.

Плеханов не раз называл писателей этой школы "исследователями народной жизни" (II, 136; IX, 175). В этой формуле он как бы обобщил некоторые другие особенности их писательской позиции и реалистического искусства: и стремление "наблюдать и исследовать народную жизнь", "вникать во все и всем интересоваться" (X, 10), и метод письма "с натурой", связанный с такого рода позицией, и склонность к обобщениям, предполагаемому в любом исследовании.

Несколько верно указан Плехановым исследовательский пафос народнической литературы, свидетельствует высказывания самих писателей-народников. Глеб Успенский, формулируя во "Власти земли" свою реалистическую программу, писал: "мы решаемся спуститься в самую глубь мелочей народной жизни, идем в избе..., надо самим нам пережить все, что ни есть в избе, в илуне, в хлеву, в амбаре, в поле"¹.

"И как уже мы усердствовали, - писал о себе и своих собратьях по перу Н.Н.Златовратский, - мы залезали к мужику в горшок, в чашку, в рожку, в карман, мы лезли в хлеб, считали скотину, считали возы навоза, мы отбирали данные у кабатчиков, у акцизных чиновников, лезли на сходки и "усчитывали" мирскую выпивку, мы топтались по полям и лугам, мерили полосы шагами, снимали планы..., чего-чего только мы не искали, не измеряли, не вешали"². Все это привело к тому, что лучшие произведения народнической литературы 70-80-х годов по своей детальности и точности не уступали многим "специальным" исследованиям народной жизни.

Наконец, к числу типических черт народнической литературы Плеханов относил сочетание в ней образов и публицистики, художественного изображения и публицистического рассуждения. Писатель-народник, говорит он, "рисует образы, сопровождает их своими толкованиями", "рассуждение идет у него рядом с художественным изображе-

1. Г.И.Успенский. Полн. собр. соч., т. УШ, Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, с. 72.

2. Н. Златовратский. Деревенские будни, СПб., 1882, с. 181-182.

нием, и автор нередко является гораздо менее художником, чем публицистом" (X, 13-14). Действительно, эта особенность народнической литературы характеризует не только ее основной жанр — очерк, в котором свободный переход от образа к публицистике является естественным и закономерным, но и рассказ, и повесть, и роман. В той или иной мере, в той или иной форме "смесь образа и публицистики" можно легко обнаружить в произведениях почти каждого из писателей-народников. Но, отмечая, что в народнической беллетристике много публицистического элемента, Плеханов не закрывал глаза и на исключения из этого правила: так, в произведениях Каронина, по его словам, "публицист не спешит на помощь беллетристу" (X, 69).

Внимание к массовым явлениям народной жизни и к общественно-экономической стороне деревенской действительности, исследовательская пылкость и публицистичность — все эти качества народнического реализма, по мысли Плеханова, в целом расширили границы и возможности художественного изучения жизни, усиливали жизненную достоверность произведений писателей-народников.

Верность принципам реализма, сочувствие народным массам, составлявшее "самую сильную и самую симпатичную сторону народничества" (X, 131), страстное желание выяснить, "как живет, что думает и куда стремится наш народ" (X, 9), то есть крестьянство, с верой в которое народники связывали будущее России — все это и определило, по Плеханову, громадную познавательную ценность и общественное значение творчества представителей народнического литературного движения. "Никакие специальные исследования не могут заменить нарисованной ими картины народной жизни. Произведения наших народников-беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском народном хозяйстве или сочинения по общему праву крестьян. Ни один общественный деятель, к какому бы направлению он ни принадлежал, не может сказать, что для него необязательно такое изучение" (X, 15-16) — такова итоговая оценка, данная Плехановым народнической литературе, ее реалистическому началу. В этой оценке, по свидетельству Н.К.Крупской, полностью присоединился В.И.Ленин!

Что касается другого начала этой литературы — народнической

1. См. Н. К. Крупская. Педагогич. соч., т.3, Учпедгиз, М., 1959, с.634.

романтики, то Плеханов объяснял его влиянием на писателей 70-80-х годов специфически народнических взглядов и оценивал его по-иному.

Вопрос о народническом романтизме Плеханов затрагивает в статье "Литературные взгляды В.Г.Белинского". Касаясь здесь поэмы Пушкина "Цыганы", этой "романтической поэмы, обнажающей ахиллесову плиту романтизма", Плеханов указывал, что противоречивая позиция Алеко, "который стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить", объясняет психологию целой исторической эпохи, что она свойственна и французским романтикам, и русским народникам. "Современное нам народничество, — замечал он, — громко и жалостно вопиет против капитализма, а на самом деле культивирующее мелкий капитализм, ясно показывает, что мы и до сих пор не разделились с романтизмом" (X, 231).

Романтизм в его народническом облике проявляется, по мысли Плеханова, в отношении народников к капитализму и заключается в непонимании связи между капитализмом вообще, против которого народники яростно выступают, и мелким капитализмом, который они приветствуют.

Такая позиция народников представлялась Плеханову следствием мелкобуржуазной природы народничества. "В действительности наше народничество, — говорит он во внутреннем обозрении 1830 года, — было лишь особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма... И если бы когда-нибудь, по щучьему велению, воплотилась в жизнь программа наших народников, то это вызвало бы небывалый расцвет мелкой буржуазии, окончательно подорвало бы подлежащие спасению "устои", а затем, путем борьбы в рядах мелкой буржуазии, привело бы к торжеству того самого крупного капитализма, от ужасов которого наша интеллигенция искала спасения в теоретических болотах народничества" (III, 253).

В литературном плане народнический романтизм должен был сказаться, с одной стороны, в характере критики нового, капиталистического порядка, укладывавшегося в России, а с другой — в изображении крестьянства. В критических отзывах Плеханова 80-90-х годов обо эти стороны народнической романтики в ее литературном варианте охарактеризованы с достаточной полнотой.

Как ясно показал Плеханов, писатели-народники прекрасно обрисовали в своих произведениях острую ломку "устоев" и торжество нового экономического порядка, придя тем самым в полное противоречие

с буквой и духом народнической доктрины. Но они оставались наедине даже там, где, казалось, подтачивали самые основы народничества. На происходящий в русской жизни переворот они смотрели сквозь народническую призму, оценивали капитализм как порочен, которая "не сулит России ничего, кроме всякого рода материальных и нравственных бедствий" (X, 131), видели в капитализме одно только зло и не замечали его прогрессивную сторону. "Этот взгляд на новый порядок, - писал Плеханов в статье о Наумове, - не мог не страдаться и на их сочинениях. За весьма немногими исключениями (напр., повесть Каронина "Снизу вверх"), в них изображаются лишь отрицательные стороны переживаемого нами процесса, а положительные затрагиваются разве только незначимым, невольным и мимоходом" (X, 131). Развивая ту же мысль в рецензии на "Житийские были" Выстрелова, Плеханов подчеркивал, что эти "беллетристы пока еще охотнее изображают гибель старого, чем появление нового; их взоры прикованы к прошлому, а в будущее они упорно поворачиваются спиной"¹.

Одним из следствий такой позиции писателей-народников явилось непонимание ими исторической роли рабочего класса и отсюда - невнимание к жизни русских пролетариев.

Как и народники вообще, эти "исследователи народной жизни" подразумевали под "народом" главным образом крестьянство и не сделали исковую народную фигуру - рабочего предметом такого внимательного художественного изучения, как крестьянина. Плеханов с сожалением констатировал этот недостаток народнической беллетристики. "Много интересного мог бы подметить в рабочей среде такой тонкий наблюдатель, как Г.И. Успенский, - замечал он, - но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали на нее никакого внимания. Для них "народ" кончался там, где исчезала крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника" (III, 133).

Наряду с односторонним отрицанием капиталистической цивилизации и изображением преимущественно теневых ее сторон, народнический романтизм, та доза романтики, о которой Плеханов говорил в примечании к немецкому переводу статьи об Успенском, сказались в творчестве писателей-народников также в характере изображения

1. Литературное наследие Г.В. Плеханова, со.У1, с.245.

крестьянства. Отдавал должное трезвому реализму народников-беллетристов: Златовратского, Успенского и других, которые "бесстрашно оценивали то, что совершалось перед ними" (IX, 164), Плеханов отмечал в то же время, что они иной раз идеализировали общину, крестьянина и сельскохозяйственный труд.

В статье об Успенском Плеханов говорит не только о разных формах изображения, но и о различных фазах народнической романтики в изображении крестьянской жизни.

Первая, более ранняя фаза, выразилась в произведениях тех народников, "которые, хотя и рисуют общинную форму крестьянского землевладения в самых розовых красках, но в то же время любят подчеркивать при тупля в щую прозу крестьянского землевладения"¹. Здесь Плеханов, очевидно, имеет в виду раннего Златовратского: ни у кого из писателей 70-80-х годов община не рисовалась в таком привлекательном виде, как у него. В произведениях Успенского, в которых показана "власть земли", "нашла выражение новая фаза народнической романтики"², заключающаяся в поэтизации и идеализации крестьянского труда и апологии "аристократически-крестьянского" типа.

Подобную же идеализацию некоторых сторон крестьянской жизни Плеханов отмечает и в творчестве Наумова и Каронина.

Таким образом, Плеханов, говоря о народническом романтизме и романтике, обозначает этими понятиями не особый метод художественного творчества (как это он делал, скажем, в характеристике творчества Гоголя и Дорж Занд), а известную позицию, точку зрения народников-публицистов и писателей, определяющую их односторонне-критическое отношение к капитализму и идеализацию ими крестьянина - мелкого бу, дуа земледелия, условий его труда, общины. Влияла ли народническая романтика в этом смысле слова на художественную методологию писателей-народников? Здесь, согласно Плеханову, возможны были два случая. В некоторых образах (например, в образе "настоящего" крестьянина Ивана Ермолаевича из очерков Успенского) она сказывалась по преимуществу в оценке писателем своего героя, а не в приемах его обрисовки: сам образ почти ничего не терял в своей реалистической сущности. В других случаях народническая романтика произ-

1. Г.В. Плеханов. Избр. филос. произв., т.У, с.753-754.
В. Там же, с.754.

водила изменения в самой системе творчества того или другого писателя, внося в нее элементы художественного романтизма. В статье о Каронине Плеханов отвергал мнение некоторых критиков, будто "в лице г. Каронина народническая беллетристика входит в новый, так сказать, романтический период своего развития и что названный автор с такою же бесперемонностью превращает русских рабочих в парижских ouvriers, с какою Маринский превращал когда-то наших офицеров в героев мелодрамы" (X, 70). Но то, что было неверным в отношении Каронина, должно было казаться Плеханову справедливым в применении к Златовратскому: его психологический анализ во многом напоминал таковой же у романтиков, а вследствие этого и герои носили явные следы романтической выдуманности и ходульности¹.

Плехановское понимание народнической романтики - да и народнической литературы вообще - имеет немало точек соприкосновения со взглядами В.И.Ленина.

В работе "От какого наследства мы отказываемся?" (1897), взяв в качестве представителя народнической литературы "публициста деревни" А.Н.Энгельгардта, В.И.Ленин ясно показал, что его трезвый реализм, "простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств "устоев" вообще и крестьянства в частности" сочетается с элементами народнической романтики, что иной раз "Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардт-романтика"². Что касается народнической романтики, то наиболее важные аспекты этого понятия были раскрыты В.И.Лениным в работе "К характеристике экономического романтизма", написанной в апреле 1897 года. Указывал здесь на характерное противоречие в позиции народника, не понимающего "связи между мелким производством (которое он идеализирует) и крупным капиталом (на который напада-

1. На это указывала тогдашняя критика: В.Чуйко подмечал, что подход Златовратского к действительности похож "на отношения романтизма, на отношения, например, Виктора Гюго и Жорж Санд". - "Наблюдатель", 1887, № 11, с. 147-148. "Романтиком народности из школы Жорж Санд" называл писателя Ф.Батюшков в статье 1898 года. - См. в его кн.: Критические очерки и заметки, ч. II, СПб., 1902, с. 40.

2. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 522, 527.

ет)"¹. В.И.Ленин проводил четкий водораздел между романтической, мелкобуржуазной критикой капитализма со стороны народников и научной критикой его марксизмом, между точкой зрения романтизма, идеализирующей мелкое производство и описывающей ломку его устоев капитализмом - и точкой зрения марксистской теории, которая считала эту ломку прогрессивной².

В той же работе "От какого наследства мы отказываемся?" В.И.Ленин указывал, что народническая романтика, мелкобуржуазная по своей сути, есть та "прибавка" народников к просветительству 60-х годов, которая кладет грань между этими двумя течениями крестьянской демократии. Плеханов подчеркивал наличие такой прибавки в народнической литературе 70-80-х годов - в отличие от демократической литературы 60-х годов, которая, с одной стороны, умела ценить относительную прогрессивность капитализма и не испытывала такого ужаса перед "явной простариатством", а с другой - чужда была идеализация крестьянства. Читая рассказ Левитова "Сказка и правда", где писатель-приветствовал "машину" (то есть поезд железной дороги), которая "в одно и то же время отучала село от веры в сомнительные силы сказочных водяных, леших и приучала его к вере в правдивую науку, оплодотворяющую пар и железо", Плеханов замечал на полях: "Г.Успенский говорит уже не так"³. В оценке же творчества Н.Успенского, В.Слепцова и других писателей-демократов 60-х годов Плеханов полностью солидаризировался с Н.Г.Чернышевским, который видел важнейшую заслугу этих писателей в стремлении писать о народе правду без прикрас.

Но если народническая романтика, характерная для народнической литературы 70-80-х годов, представлялась Плеханову шагом назад этой литературы от прозы шестидесятников, то другие ее черты и особенности - овладение синтетической картиной жизни крестьянской массы в пореформенную эпоху, внимание к "жгучим вопросам народной экономики", не просто зарисовки, а исследование народной жизни, постановка новых вопросов, связанных с развитием капитализма в деревне и т.д. -

1. Там же, с. 216. См. подробнее в нашей статье "В.И.Ленин и повесть "Из деревни" А.Н.Энгельгардта ("Филологические науки", 1970, № 1).

2. Там же, с. 247.

3. Дон Плеханова (в Ленинграде). Л. 6282. Собр. соч. А.Н.Левитова в двух томах, М., 1884, т. II, с. 557.

оценивались им как бесспорные завоевания в развитии литературы о народе, как углубление и обогащение ее реализма.

В суждениях Плеханова о народнической литературе 70-80-х годов, как нам кажется, в общем верно определены ее сильные и слабые стороны и тем самым - ее своеобразие в ряду других литературных явлений второй половины XIX вена. Эти суждения, являясь результатом тщательного изучения Плехановым литературы народников, подтверждаются, в свою очередь, его анализом творчества наиболее значительных ее представителей - Наумова, Златовратского, Г. Успенского и Каронина, а также дает ключ к пониманию многих литературных фактов, оставшихся вне его поля зрения.

Однако взгляд Плеханова на народническую литературу является неполным и неточным, там, где дело касается объяснения ее достоинств и недостатков. Если для В.И. Ленина народническая литература 70-80-х годов имела своей социальной базой русское пореформенное крестьянство, его реальные интересы и предрассудки, которые во многом обусловили ее сильные и слабые стороны, то у Плеханова преобладает взгляд на нее как на художественное выражение мировоззрения, стремления, вкусов и т.п. разношерстной демократической интеллигенции. Были, правда, исключения из этого правила: так, пытаясь связать творчество Успенского с его объективной крестьянской основой, Плеханов указывал, что писатель становится в своих произведениях "на крестьянскую точку зрения" (X, 22), отмечал мелкобуржуазный характер предлагаемых Успенским решений (см. т. X, с. 401) и пр. Но такие попытки у Плеханова эпизодичны, хотя, когда речь шла о тактических и программных положениях народничества, он довольно точно устанавливал их зависимость от экономических и политических интересов крестьянства¹. Правильно определив сильные и слабые стороны народнической литературы, правильно указав на присущие ей противоречия, Плеханов не сумел дать им полное реально-историческое объяснение. Эта задача могла быть решена только в свете ленинского учения о народничестве.

1. Подробнее об этой в нашей статье "Г.В. Плеханов об идейных и художественных особенностях народнической литературы" (Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та, т. LV, 1964).

Характеризуя литературное народничество в целом как особое течение в русском реализме 70-80-х годов, несущее в себе черты народнической романтики, Плеханов в то же время проводит четкую грань между писателями этой школы, главным образом по характеру разработки ими магистральной темы народнической литературы - крестьянства.

В статьях Плеханова вырисовывается цельная и стройная концепция развития народнической литературы в 70-80-е годы. Разбирая произведения Наумова, Златовратского, Г. Успенского и Каронина, критик отделил "особый характер" изображения каждым из них русской жизни пореформенной эпохи. При этом своеобразие отображения народной жизни в произведениях того или другого писателя ставилось им в зависимость от принадлежности этого писателя к определенному этапу в истории литературного народничества.

В каком же виде рисовалась Плеханову картина развития народнической литературы в 70-80-е годы? Какое место отводил он в ней каждому из названных писателей? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться в первую очередь к истории создания и публикации серии статей "Наши беллетристы-народники".

Как известно, первоначально названная серия состояла из двух статей: "Г.И. Успенский" и "С. Каронин", которые были опубликованы в периодических сборниках "Социал-демократ", вышедших в Женеве соответственно в августе 1898 и в феврале 1899 года. В майской книжке легального марксистского журнала "Новое слово" за 1897 год Плеханов поместил статью "Н.И. Наумов". В 1905 году он включил ее, вместе с двумя другими, в легальный сборник своих работ "За двадцать лет", причем внес статью о Наумове на первое место, поставив за нее ранее написанные статьи об Успенском и Каронине. В двух последующих изданиях сборника (1906, 1908) ни состав серии, ни порядок следования статей в ней Плехановым не менялся. Последний был изменен Д. Рязановым - редактором первого советского собрания сочинений Плеханова, который в десятом томе этого издания расположил статьи о беллетристах-народниках в порядке их написания. Этот хронологический принцип сохранился во всех других публикациях плехановского литературно-критического цикла.

Между тем вариант сборника "За двадцать лет", воплотивший во-

лю самого автора¹, не был, конечно, случайным. Очевидно, он почему-то лучше отвечал замыслу Плеханова. Почему же?

Предпосылая своим ранним работам статью о Наумове, Плеханов, как нам кажется, тоже следовал хронологии, но хронологии иного порядка. Дело в том, что в этой статье он рассматривал Наумова как писателя, типичного для народнической литературы раннего периода - 70-х годов, и не мог, не смешая исторической перспективы, заключать разбором его творчества свою серию, предыдущие статьи которой были посвящены творчеству Успенского на переломе 70-80-х годов и творчеству Каронина 80-х годов. К тому же творчество Каронина он считал новым в сравнении с Успенским звеном в развитии народнической беллетристики, "новым направлением" в ней². В силу этого плехановская серия только в том виде, какой был придан ей в сборнике "За двадцать лет", приобретала композиционную слаженность и внутреннее единство, являясь не просто суммой статей, а цельным исследованием народнической литературы в ее движении и развитии.

По-видимому, этими же соображениями руководствовался Плеханов и во время работы над "Историей русской общественной мысли", собиравсь излагать раздел о народнической беллетристике в такой последовательности: "Златовратский - Г. Успенский - Каронин" (XX, с. XXIII)³. И здесь Успенского и Каронина должен был предварять Златовратский - писатель, раньше их выступивший с крестьянскими произведениями и выразивший в первой половине 70-х годов взгляды и настроения раннего народничества. Нечего и говорить, что для Плеханова, писавшего в данном случае и с т о р и ю общественной мысли в России, крайне важно было представить в историческом разрезе и народническую литературу. И он выносит в своем плане на первое место имя Златовратского.

Что касается места Златовратского по отношению к Наумову, то

1. Из письма Н. Иорданского (посредник между Плехановым и издательством "Общественная польза", в котором выходил сборник) от 11 января 1905 года явствует, что "план сборника, порядок статей и общее заглавие книги" определены были самим Плехановым (Дом Плеханова, инв. № 2168, ед. хр. В. 188.2, л. 1).
2. "Исторический архив", 1956, № 6, с. 8.
3. См. также рукопись общего плана "Истории", хранящуюся в архиве Дома Плеханова, инв. 62-43, ед. хр. Р 36, лл. 17-18.

оно тоже определено Плехановым: в статье 1897 года он оценил творчество автора "Деревенских будней" (имея в виду его произведения на рубеже 70-80-х годов) как шаг вперед в сравнении с семидесятилетним Наумовым и сблизил его с Успенским этого периода (X, 116 и 131). Можно полагать, что если бы Плеханов написал задуманную им для сборника "За двадцать лет" статью о Златовратском¹, то она бы нашла место в серии "Наши беллетристы-народники" между статьями о Наумове и Успенским.

Все это подсказывает следующую схему, отражающую взгляд Плеханова на отдельные фазы в развитии народнической литературы в 70-80-е годы: Наумов - Златовратский - Г. Успенский - Каронин. Литературные факты подтверждают, в общем, правильность этой схемы со стороны хронологической², а критические оценки самого Плеханова раскрывают особенности тех моментов в эволюции литературы народников, которые связаны с деятельностью этих писателей.

Как отмечалось, писателем, характерным для народнической литературы 70-х годов, Плеханов считал Н. И. Наумова. Так смотрели на Наумова и другие критики, писавшие о нем в 90-е годы. "В народнической литературе 70-х годов, - указывал, например, А. Богданович, - имя г. Наумова занимает почетное место наряду с гг. Златовратским, Заводимским и другими, с некоторым особым оттенком, если можно так выразиться, воинственного характера"³. "Н. И. Наумов принадлежит к числу писателей семидесятых годов"⁴, - писал другой рецензент.

Большинство критиков исходило при этом из факта широкого успеха произведений Наумова именно в 70-е годы, когда "некоторые

1. См. письмо заведующего издательством "Общественная польза" С. И. Салтыкова к Плеханову от 7 октября 1905 года с просьбой прислать обещанную для третьего издания сборника статью о Златовратском, Дом Плеханова, инв. 3189, ед. хр. В. 384. 10.
2. Первый сборник рассказов Наумова выходит в 1874 году. В этом году Златовратский, в сущности, только приступает к крестьянской теме (повесть "Крестьяне-приолянье"), а Успенский начинает ее глубокую разработку в цикле "Из деревенского дневника" в конце 70-х годов. Оба цикла крестьянских рассказов Каронина печатаются в 80-х годах.
3. "Мир божий", 1897, № 2, стл. П, с. 1.
4. "Живописное обозрение", 1897, № 6, (февраль), с. 13.

его рассказы, как "Паутина" напр. и сборник "Сила соломѣ ломит", пользовались особым, почти благоволенным вниманием¹, когда "он был одним из любимцев молодежи, и почтенное имя его не напрасно ставилось рядом с именами Решетникова и Левитова"².

С констатации этого факта начиналась и статья Плеханова. "В семидесятых годах, - говорилось в ней, Н.И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) интеллигенции. Его произведениями зачитывались. Особенный успех имел сборник "Сила соломѣ ломит" (X, 110). Эта мысль еще более четко была выражена Плехановым в черновом варианте статьи, где подчеркивалось, что сборником Наумова "восхищались не одна интеллигенция: его очень любили и в грамотных слоях народа"³.

Однако Плеханов относил Наумова к писателям-семидесятникам не столько потому, что на это время приходилась наибольшая популярность писателя, сколько по характеру его творчества.

В произведениях Наумова Плеханов выделял те же две тенденции - реалистическую и специально народническую, которые он отмечал во всей народнической беллетристике, но поставил их в связь с "эпохой семидесятых годов" (X, 110), когда процесс разложения общины и расчленения крестьянства находился еще в начальной стадии. Это обусловило, по мнению критика, и меру реализма, и форму проявления народнической романтики в произведениях Наумова.

Отсюда, во-первых, та особая задача, которую ставил Плеханов, разбирая произведения Наумова. Если произведения Г. Успенского, Каролина и Златовратского использовались им в борьбе с народниками в качестве доказательства крушения "старолефовских устоев" народной жизни, то на материале рассказов Наумова он хотел показать, "каков был этот старый экономический порядок, и как отражался он

1. "Мир божий", 1897, № 2, отд. П, с. 1

2. А. С. К а б и ч е в с к и й. Н. И. Наумов. - "Новое слово", 1897, № 5 (февраль), отд. П, с. 135.

3. Дом Плеханова. Фонд № 1, инв. 5961, ед. хр. Р. 19. 2^В, л. 1. Эта популярность засвидетельствована многими революционерами-народниками 70-х годов, ходившими в народ. См. об этом в работе: Н. Ф. Бельчиков. Народничество в литературе и критике. М., 1934, с. 15-16.

на взглядах, чувствах и привычках народной массы, подвергавшейся неострашимому влиянию" (X, 120). Под этим углом зрения он и анализировал наумовские "рассказы из быта сибирских крестьян", особо отборив их обобщающий, а не локальный "сибирский" смысл, какой придавали им некоторые критики¹.

Характеризуя тот тип крестьянского хозяйства, в условиях которого жили и бедствовали наумовские герои, Плеханов ссылался прежде всего на рассказы "Паутина" и "Куровая".

"- И хорошие, брат, места у нас, да глухие, - говорит в первом из них крестьянин-ямщик. - Суди сам: теперича в урожайный-то год хлеб-то хоть даром отдавая, так никто не берет у тебя, вот оно дело-то! А подать-то не ждет, по хозяйству тоже без гроша клина не возьмешь, а где их, грошей-то, брать прикажешь? У кого лошадей много, да во времени избыток, нагрузит воза, да в город везет; ему и выгода, и богатеет, а нашему-то брату несподручно это, потому и лошадушек намаешь, и время-то тебе терять не приходится... Вот ты и у хлеба сидишь, а горя не минуешь..."². Те же самые особенности хозяйства, когда, как говорят крестьяне, "и у хлеба сидим, да хлеб-то этот не по нас", Наумов подчеркивает и в рассказе "Куровая", говоря о быте прииртышских деревень³. Это хозяйство Плеханов определял в терминах политической экономии как натуральное, но уже начинающее переходить в товарное.

В процессе работы над статьей о Наумове Плеханов отметил зарисовки писателя, раскрывающие "значение натурального хозяйства в быту мужика", "значение натурального хозяйства и податей в крестьянском быту", "роль богатства в народной жизни" и т. п.⁴. Действительно, в рассказах Наумова наглядно изображалось, как нужда в деньгах толкает крестьянина в цепкие лапы купца и скупщика, как эти последние, приобретая за бесценок хлеб, рыбу и т. п. продукты крестьянского труда и углачивая за малоимущих крестьян подати,

1. См., напр. статью "Сибирский беллетрист" за подписью С.-л. в газете "Восточное обозрение", 1898, № 7, от 16 января, а также анонимную рецензию на Собр. соч. Наумова в "Русской мысли" за 1896 г., № 2, отд. П, с. 52.

2. Н. И. Наумов. Собр. соч. в двух томах, т. 1, СПб., 1897, с. 54.

3. Там же, с. 353.

4. Литературное наследие Г. В. Плеханова, об. V1, с. 248.

безраздельно распоряжаются не только временем и трудом, но и "всеим сердцем, всеим помышлением крестьянина". "В этой одной забитой жизни капитал играет еще большую роль, чем где либо, подавляя всякую правду, эту мысль, если она родилась в уме бедняка, одетого в оборванный полушубок и такие же бродни"¹, - горестно замечал Наумов в рассказе "Дрова", подтверждая этот вывод всем содержанием произведения. Это можно сказать и о таких рассказах, как "Деревенский торгош", "Крестьянские выборы", "Умалитенный" и др.

Итак, деревня Наумова - это деревня натурального хозяйства, еще почти не затронутая развитием капитализма, ибо "ростовщический капитал обирает и принижает производителей, но он не изменяет способ производства" (X, 130). Вот почему писатель, говорит Плеханов, едва-едва касается вопроса о разложении старого быта, вопроса, столь волновавшего представителей младшего поколения беллетристов-народников. Если в "Эскизах без теней" и изображается такой явный признак разложения старой домостроевщины, как разнь между "молодыми" и "стариками", то "для Наумова как будто еще неясно его значение" (X, 131), то есть связь этих новшеств в семейных отношениях крестьян с некоторыми общими процессами, знаменующими начало конца старого экономического порядка.

Какие же черты социально-психологического облика крестьянина вырастают на основе экономического уклада, описанного Наумовым? Отвечая на этот вопрос, Плеханов дал блестящую критику народников, идеализировавших натуральное хозяйство как форму производства, которая будто бы обеспечивает "всестороннее, гармоничное развитие трудящихся" (X, 123).

Поразительная узость мысли и интересов, индивидуализм и равнодушие к горю своих собратьев, отсутствие солидарности, разобщенность, а вследствие этого и полная беспомощность в борьбе с кулачеством - таковы, по Плеханову, реальные черты крестьянской массы в изображении Наумова.

"Мужичье дело, батюшка, одно знать: паши, сей, блюди хозяйство, соблюдай - чего с тебя начальство требует и не вникайся, ни боже мой!" - такова философия жизни крестьянина, выраженная в рассказе "Загора" устами хозяйственного мужичка Максима Арефьича².

1. Н. И. Наумов. Собр. соч. в двух томах, т. 1, с. 344

2. Там же, с. 265.

Как справедливо отметил Плеханов, дело здесь не в благочестии Максима Арефьича, а именно в натуральном хозяйстве, которое приковывает мысль крестьянина к узко-хозяйственным заботам и тревогам, притупляет его общественные интересы. Бедняки - протестанты, которые "вдаряются в думу", стремясь разобраться в окружающих порядках и изболтать лихоимцев всякого рода, встречают в крестьянской среде опасливое и даже враждебное отношение (рассказы "Умалитенный" и "Загора").

Столь же хорошо обрисованы писателем индивидуализм и обособленность крестьян, проистекающие от их хозяйственной обособленности. В доказательство этого Плеханов ссылался на рассказы "Яшник" и "Деревенский аукцион". Бессердечное отношение деревни к бедноте, насмешки над бедностью своего же брата-крестьянина, господство сурового правила: каждый за себя, один бог за всех, - действительно, изображены здесь Наумовым без прикрас.

О разобщенности крестьянской массы свидетельствовал и типичный для Наумова рассказ "Крестьянские выборы" (1873). В истории "мирского человека" Егора Бычкова - стойкого защитника крестьянских интересов, выдвинутого народом в волостные старшины, а затем, под влиянием кулацкой пропаганды и незаконных действий властей, покинутого им в беде, Плеханов справедливо увидел отражение таких черт крестьянской психологии, как отсутствие политической самостоятельности и взаимной выручки, страх перед первой встречной кокардой и т. п. Эти черты - прямое следствие старого экономического порядка, и "увечивание этого порядка необходимо повело бы за собой увечивание тех самых свойств народного характера, о которые так часто разбивалась энергия Бычковых и о которые разбилась впоследствии самоотвержение народников" (X, 120). В этом и заключается, по Плеханову, мораль многих произведений Наумова, поучительная для народников 90-х годов, певших дифирамбы натуральному "народному производству".

Нужно сказать, что если Плеханов правильно соотносит нарисованную Наумовым картину народной жизни с эпохой 70-х годов, то он почти не отметил другой сильной черты его творчества, связанной с этим временем - того "воинственного оттенка", о котором писал А. Богданович и другие критики. Как ни прав Плеханов, вспоминая по поводу отдельных "чувствительных" мест в рассказах Наумова Карам-

вина и его школу¹, гораздо вернее оценивали положение вещей та критики, которые указывали, что писатель в основном "взял ту сторону народной жизни, в которой выразился протест"². Этот боевой, протестантский дух - характерная черта народнической литературы 70-х годов (напомним хотя бы такое программное произведение этого периода, как "Хроника села Сурина" П.В.Засодимского), и без учета его характеристика Наумова как писателя-семидесятника является неполной. Некоторые критики писали о том, что, "прикинув к школе идеализаторов народа, Наумов видит в сибирском крестьянине только олицетворение всяких добродетелей и величавых качеств"³. Плеханов своим анализом опроверг это мнение, но не обратил должного внимания на фигуры борцов за правду, введенные Наумовым и олицетворяющие боевой демократизм крестьянских масс.

К эпохе 70-х годов возводит Плеханов и ту "дозу романтики", которая была свойственна Наумову. Она заключалась в идее однородности крестьянства и непонимании классового antagonизма внутри самой крестьянской массы. В эту переходную эпоху, когда, после падения крепостных отношений, крестьянская Россия еще не раскололась на новые резко обособленные классы, демократическая интеллигенция, по словам Плеханова, "была убеждена, что между крестьянином-кулаком и крестьянином-жертвой кулацкой эксплуатации нет ровно ничего общего; кулак казался ей случайным плодом внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь, а не необходимым результатом той фазы экономического развития, которую переживало крестьянство" (X, 116). Подобный взгляд И.А.Гурвич называл "общей иллюзией народников 70-х годов, а В.И.Ленин замечал, что впадать в эту иллюзию в 70-х годах, "когда еще не обнаружилось так ярко разложение деревни", было "позволительно и даже естественно"⁴.

Отсюда у Наумова стремление подчинить изображение деревни схеме, заданной этими народническими представлениями. У Наумова, говорит Плеханов, "есть только два героя: эксплуататор и эксплуа-

тируемый. Эти герои отделены друг от друга целой бездной, и никаких переходов от одного к другому, никаких связующих звеньев не считается" (X, 116). Длинная галерея изображенных Наумовым "новых людей деревни" - торговцев, скупщиков, кулаков, бабачиков и т.п. - не оставляет никакого сомнения в правильности плехановского вывода. Прохор Игнатъич Белкин, по прозвищу "Петля", в предпраздничных описях "Деревенский торговец" (1871), скупщик рыбы Петр Матвеевич Вежин и "Бровол", Давыд Безсомннин и Трофим Шебалин в "Крестьянских выборах", "торгующий крестьянин" Василий Иванович Митчев в рассказе "Погорельцы", бабачик Антон Прокопьевич в "Нефедовском почитании" и т.д. и т.д. - резко противопоставлены остальной массе крестьянства. Все они, за редким исключением, прилипе со стороны люди. Один из них имеет "городское" происхождение (Белкин, Вежин), другие хотя и выходят из крестьянской среды, но школу хищничества и рыболов проходят в городе (Трофим Шебалин, Еремей Осокин в рассказе "Ковыльица"). Их появление в деревне автор объясняет "посторонними влияниями" и "наносами извне", происхождение их богатства - игрой "фартуши", в самую возможность их существования - "неразумием" крестьян.

Особая форма идеализации крестьянства, которую Плеханов отметил у Наумова, свойственна была народнической литературе именно в 70-е годы. Ее отдали дань П.В.Засодимский и Ф.Д.Нефедов, ранний Миклуковичский и поэтики Левитов. Всех их объединило с Наумовым то, что они не видели корней капитализма в самом крестьянском хозяйстве, принимали кулачество за нечто чуждое крестьянской массе и изображали деревню, ее классовую структуру по формуле "кулак и его жертва".

Д.Н.Овсяннико-Куликовский, говоря в своей работе "Литература 70-х годов" об одном из этих писателей, справедливо замечает: "Народничество Нефедова характерно именно для 70-х годов, когда даже на народники верили в "задатки" народной психологии и жизни, а все отрицательное приписывали влиянию внешних неблагоприятных условий"¹. Отсюда - то иллюзорное представление о крестьянине и кулаке, которое дает знать в произведениях семидесятников. В девяностые годы такая однобокость изображения воспринималась как недостаток народнической литературы 70-х годов не только марксистской критикой. "Обо его очерки, - писал, например, о Наумове А.Богданович, - это "эс-

1. См. Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. У1, с. 246.

2. М. Ц е б р и к о в а. Беллетрист-народник, - "Русская мысль", 1896, № 2, отд. II, с. 73.

3. С. В е н г е р о в. И.И.Наумов - Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 28, с. 85.

4. См. В.И.Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 263.

1. История России в XIX веке, Изд. А. в И. Гранат б.г., с. 49.

кизы бе теней", как он сам называл некоторые из них. Персонажи его резко делятся на два разряда: кулак-"кровопивец" с одной стороны, с другой - "народ-страдалец"¹.

С конца 70-х - начала 80-х годов эта схема решительно пересматривается в литературе. "Деревенские будни" Златовратского и "Деревенский дневник" Г. Успенского - два классические произведения народнической литературы, вышедшие в 1879 году, положили начало этому пересмотру. Затем последовали прямые полемические выступления против формулы "кулак и его жертва" в "Очерках деревенского настроения" (1881) Златовратского и в очерке "Равнение" под одно" (1882) Г. Успенского. В 1880 году, еще до этого выступления, Успенский в очерке "Малые ребята", как бы отвечая писателям-семидесятиникам, которые считали кулачество явлением наносным и не захватывающим глубин народной жизни, писал: "Что такое кулак? Существует мнение, что деревня портится, расстраивает св. порядки от пришлого со стороны человека... Мы охотно верим в дурное влияние на деревню пришлых элементов, но в каком образом не можем только ими объяснить деревенского кулачества... Веда именно в том и состоит, что кулачество - явление не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органический недуг"².

Это было подлинным открытием, и народническая литература 80-х годов хорошо его усвоила, как об этом можно судить по произведениям А. И. Эртеля, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. М. Астырева и других. В рассказах "Из одного юрты" (1880), входящем в эртелевские "Записки степняка", в рассказе Каронина "Братья" (1881), в очерке Астырева "Парфены-мироеды" (1886) совершенно отчетливо ощутимо влияние Успенского на решение вопроса о сущности и происхождении деревенского кулачества³.

1. "Мир божий", 1897, № 2, отд. П, с. 2.
2. Г. И. У с п е н с к и й. Полн. собр. соч., т. У1, с. 343-345.
3. Кулаки и мироеды, говорит Астырев, "никак не могут считаться наносным или случайным явлением в деревне: они - экономическая категория, они - продукт, неизбежно вырабатываемый каждой достаточно большой по численности общиной, в которой дифференциация и индивидуализм находят достаточно почвы для своего развития". И еще: "...деревенские Парфены-мироеды - явление, логически протекающее из данного экономического и общественного строя, и существование их так же строго необходимо, как необходимо появление лишая и мхов на гниющем стволе дерева" (Н. М. А с т ы р е в. В воспоминаниях писателя, СПб., 1888, с. 119 и 136).

В отличие от Наумова, который в своем творчестве "словно застыл на 70-х годах"¹, некоторые писатели, начавшие разработку крестьянской темы в этот период, впоследствии в значительной мере отошли от схематического изображения деревни. К ним принадлежал Н. И. Златовратский, творчество которого интересовало Плеханова на всем протяжении его литературной деятельности.

Уже в книге "Наши разногласия" (1885) Плеханов обращается к нарисованной в "Деревенских буднях" картине разложения сельской общины. Важное место заняли ссылки на очерки Златовратского в работе "Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова" (1896). В промежутке между этими двумя работами Плеханов обращался к произведениям Златовратского во "Внутреннем обозрении" журнала "Социал-демократ", в статье "Странное недоразумение", в статьях об Успенском и Каронине. Дальше мы встречаем замечания с Златовратским в статье "Н. И. Наумов" (1897), в статье-рецензии на "Историю новейшей русской литературы" А. М. Скабичевского (1897), в работе "Н. Г. Чернышевский" (1909). К девятистам годам относится также замысел Плеханова написать статью о Златовратском для серии "Наши беллетристики-народники" (в сборнике "За двадцать лет") и раздел о нем в одной из глав "Истории русской общественной мысли".

В своих публицистических и критических работах Плеханов эффективно использовал творчество Златовратского для борьбы с народническим догматизмом. Одновременно он выявил сильные и слабые стороны произведений писателя, определил его своеобразное место в ряду других беллетристов-народников.

Златовратский, по его мнению, в двух отношениях сделал шаг вперед в сравнении с писателями-семидесятиниками. У него (так же, как у Г. Успенского и Каронина) ярко изображен как самый процесс старого экономического быта, так и его общественные и психологические последствия (X, 131). Вместе с тем Златовратский отошел от схемы "кулак и его жертва", и в его произведениях, в отличие от Наумова, "действующие лица являются по большей части уже живыми людьми, а не антропоморфными отвлеченностями" (X, 116).

1. С. К о ж е в н и к о в. Николай Иванович Наумов, Новосибирск, 1962, с. 6. В качестве такого "застывшего" семидесятника Наумов резко отрицательно реагировал на статью Плеханова о его творчестве - См. публикацию Н. Якушина "Неизвестные письма Н. И. Наумова". - "Сибирские огни", 1969, № 3.

Нужно заметить, что оценивая таким образом творчество Златовратского, Плеханов имел в виду прежде всего "Деревенские будни" и другие очерки, созданные писателем в конце 70-х - начале 80-х годов. Именно эти произведения дали Плеханову основание отнести Златовратского к числу "беспристрастных исследователей нашей народной жизни" (IX, 157), к числу "народных классиков" (IX, 173) и сблизить его с Глебом Успенским (IX, 164; X, 131). На эти произведения Плеханов опирался в своей боевой полемике с народниками по вопросу о том, "быть или не быть общине?".

В работе "Наша разногласия" прекрасно обрисованная в "Деревенских буднях" (1879) картина разложения "стародедовских" устоев является как бы предпосылкой и экономико-статистическому исследованию положения общины, в которой содержатся все его темы и лейтмотивы.

Приводя наблюдения Златовратского над общиной, представлявшей собой "тот средний тип современной и о в о й деревни, к которому или стремятся приблизиться все вообще русские деревни, или некоторые успели уже шагнуть далеко и дальше в том же направлении, то есть в направлении дезорганизации устоев деревни старой, как представительницы принципа труда и экономического равенства", Плеханов вслед за автором показывал, как процесс разложения общины отражается на ее внешнем виде, красноречиво сказывается на цифрах, выражающих бюджет отдельных хозяйств и т.д. "Г. Златовратский знает, - заключал Плеханов разбор первой части очерков, - что есть еще такие деревни, "и много еще их есть, где вы чувствуете и видите крепкие, несокрушимые основы" старого общинного быта. "Но больше этих деревень б н и о, чем е с т ь" (11, 240). Теперь же в деревне, как это видно из "Деревенских будней", все более и более укрепляется то, что Златовратский называет "атмосферой двоедушия и двуличия" и что составляет неизбежное следствие разложения общины на несколько слоев.

В этой последней связи особое внимание Плеханова привлекла описанная во второй части "Будней" община "хозяйственных мужичков", в которой налицо было и расслоение крестьянства, и грубое насилие кучки кулаков над обнищавшими сообщинниками. "С одной стороны, - писал Плеханов, цитируя отдельные места книги, - вы видите добродушного х о з я я с т в е н о г о м у ж и ч к а, "который имеет надел всего только на одну душу, а между тем обрабатывает три, четыре, даже пять наделов своих собратьев, которые не в силах их тя-

нуть"; с другой стороны, перед вами именно эти "малосильные" хозяева, "чернога", "беднота" и т.д., которые "или сами же, в качестве наемщиков, работают у своего арендатора, или совсем заколачивают свои избы и уходят на сторону, Бог весть куда, никогда, другой раз, даже не загляывая в свою родную общину" (11, 240). Положение бедняков в таких общинах Златовратский изображал с суровым реализмом, и Плеханов дважды ссылался в своей работе на картины жестокой эксплуатации бедного "воздушного народа" хозяйственными мужичками и мироедами. Он говорил, обращаясь к народникам: "В вашем воображении рисуется та идеальная община, которая м о ж е т я в и т ь с я после революции... Воздушный же народ имеет дело с т о ю д е й с т в и т е л ь н о й общиной, в которой утвердился уже его непримиримый антагонист, "хозяйственный, умышленный мужичок", самодовольно повторяющий: "у нас чернота не держится... у нас ей вадоху нет"... (11, 242).

Община разлагается, порождая несколько слоев с непримиримыми интересами и превращаясь из опоры ее беднейших членов в орудие их окончательного разорения и закабаления, "воздушный народ" бежит от нее, как от ярма, - таковы главные выводы Плеханова из "Деревенских будней", выводы, опирающиеся на точный смысл показавший Златовратского.

То, что именно таков объективный смысл очерков, проживающий в основе народнических убеждений и взглядов автора, поняли тогда очень немногие. Большинство критиков 70-80-х годов, расходясь между собой в оценке "Деревенских будней", одинаково видело в них лишь прославление общинных "основ" и "устоев". Так, по мнению Венгерова, "Деревенские будни" - это "своего рода энциклопедия деревенской жизни, знаменующая приближение автора к полному пониманию народных устоев"¹. Рецензент "Русской мысли" ставил в заслугу Златовратскому "прекрасную картину мирского охода, переделов, "помочей" и т.п. общинных бытовых порядков деревни"². С другой стороны, Протопопов, который отнесся к очеркам осуждающе, усматривая их основную идею "в поиске идеальной общины, нигде, никем и никогда практически не осуществившейся"³. Богданович видел в авторе "Деревенских будней"

1. "Устои", 1882, № 3-4, отд. 11, с. 134.
2. "Русская мысль", 1882, № 6, отд. 11, с. 20.
3. "Русская мысль", 1891, № 6, отд. 11, с. 34.

лишь "сладкоголосого певца деревенского мира"¹.

Вразрез с этими односторонними толкованиями Плеханов, как мы видели, дал высокую оценку "Деревенским будням" - но не за выраженные в них утопические надежды на торжество принципов идеальной общины, а за реалистические зарисовки действительной общины. Таким же образом подошел он и к "Очеркам деревенского настроения" (1881) и "Очеркам народного настроения" (1884), которые принимают к "Деревенским будням" и служат их прямым продолжением.

В этих произведениях произошло углубление реализма Златовратского по сравнению с "Деревенскими буднями". Это хорошо видно из отношения писателя к такому частному, но важному вопросу жизни русской деревни, как вопрос о периодических переделах общинных земель. Если в "Деревенских буднях" (гл. УШ) "акт передела земли" воспринимает Златовратский как "замечательная общенародная бытовая форма", то в "Очерках народного настроения" передел оценивается иначе. Говоря здесь в главе под характерным названием "Скорбные листки" о проходящей перед ним "грустной картине полного крушения современной общины", Златовратский пишет, что переделы потеряли свое практически рациональное значение и являются на деле лишь депежом добычи между кулаками, особенно в тех деревнях, где на месте прежних общин земледельцев образовались особого рода кулацкие "общины землевладельцев"².

В критическом этюде "Обоснование народничества в трудах г. Воронцова" и других работах Плеханов приводит эти проницательные наблюдения Златовратского, не оставлявшие и следа от тех воздушных замков, которые возводили народники и в которых обитали проникнутые "идеями передела" общинники. По словам Плеханова, автор народнического евангелия "Крестьянская община" В. П. Воронцов, восхваляя передел как средство сохранения и укрепления равенства между общинниками, "видит только внешнюю сторону" того явления, сущность которого хорошо уловил Златовратский в "Очерках народного настроения" (IХ, 163-164; III, с. 224).

В той же работе Плеханов ссылается на "Очерки деревенского настроения", приводя замечания Златовратского о том, что в крестьян-

1. "Мир божий", 1898, № 1, отд. 11, с. 4.

2. Н. Златовратский И. Очерки народного настроения. - "Русская мысль", 1884, № 1, с. 102.

нской среде растет недоверие к общине и что, в отличие от крепостного мужика, который только и мог сказать об общинных порядках: "должно хорошо, коли отцы так жили", "мужик новейшей формации" становится к общине "в критическое отношение" (IХ, 173).

В "Очерках деревенского настроения" Златовратский смог решить (и решить в общем правильно) вопрос о происхождении кулака, который был камнем преткновения для народнической литературы 70-х годов (Н. В. Паунов, Ф. Д. Нефедов, П. В. Засодимский и др.). "Кто же, собственно, тот всемогущий Колупаев?" - спрашивал Златовратский и, противопоставив писателям-семидесятиникам, отвечал: "мужик, бывший барский бурлака, холоп и раб"¹. И когда Плеханов, осуждая наумовскую схему "кулак и его жертва", противопоставлял автору "Юровой" Златовратского, он имел в виду в первую очередь "Очерки деревенского настроения". На первых же страницах этого произведения Златовратский высказывает свое несогласие с теми, кто сводит изучение деревни "к констатации существования двух несоизмеримых величин в народной среде: эксплуататоров и эксплуатируемых, кулаков-мироедов и истребляемых и нужных масс"². В противовес этой "упрощенной формуле" Златовратский предлагал свою "схему общинной дифференциации", которую Плеханов полностью привел в этюде против Воронцова.

"В данный момент, - писал Златовратский в 1881 году, а Плеханову приходилось доказывать то же самое Воронцову и ему подобным в 1896 году, - оно уже обособилось, каждая со своими специфическими интересами, три группы в среде крестьян: а) богачи, владеющие промышленными капиталами и скопившие эти капиталы путем индивидуальной предприимчивости помимо общины (кулаки, промышленники, подрядчики-холопы, землевладельцы-собственники, живущие в общине и пр.); б) унетовные-хозяйственные мужички-землепашцы, коренные общинники, "бурлаки" по достатку, исключительно стремящиеся к скопению в своих хозяйствах возможно более наделных или арендных общинных земель; в) общинный пролетарий - вольница, безлошадные бобыли, батраки на собственных наделах и пр."³. В полемике с легальными народниками 90-х годов, продолжавшими крепко держаться за идею однородности крестьянства, эти наблюдения Златовратского - "народника-идеа-

1. Там же, № 4, отд. 11, с. 208.

2. Там же, № 2, отд. 11, с. 227.

3. Там же, № 5, отд. 11, с. 31-32.

листа", "народника-оптимиста", "последовательного народника" и т.д., как он квалифицировался критикой 80-90-х годов - приобретали значение неопровержимых и не подлежащих никакому сомнению данных.

Таковы основные факты обращения Плеханова к творчеству Златовратского. И лишь незнанием обстоятельств дела можно объяснить поздравительные мнения о том, что "полоса марксизма устранила и заслонила многие имена, в том числе и имя Златовратского"¹, что Плеханов в своих работах "обошел" Златовратского².

Златовратский представлен у Плеханова преимущественно своими сильными сторонами. Отсюда, разумеется, не следует, что Плеханов не замечал в его произведениях "романтики" и "романтизма", о которых так много писалось в критике. По его мнению, та доза народнической романтики, которая была у Златовратского, выразилась главным образом в идеализации крестьянства. Но это была идеализация иного порядка, чем у Наумова. Она состояла в воспеании общинных инстинктов крестьянина" (У, 341), в "кисло-сладких изображениях исконных, вековых добродетелей крестьян общинников" (X, 67) и сказала прежде всего в его ранних рассказах, повестях и романе "Устой".

Будучи в 70-х годах народником, Плеханов приветствовал эти ранние вещи Златовратского в статье "Об чем спор?" (1878), но в марксистский период к ним не возвращался, и это понятно: народнический оптимизм "Крестьян-присяжных" и других произведений этого плана не мог импонировать Плеханову-марксисту. Теперь в центре его внимания - Златовратский - исследователь народной жизни, автор "Деревенских будней" и других очерков, богатых реалистическими зарисовками жизни и быта пореформенной деревни. Что касается более поздних произведений Златовратского, то Плеханов обращается к ним для характеристики шаткости идейных позиций писателя, который в стремлении обрести какую-нибудь почву под ногами то "видит выход

1. А. И. Замайлов. Романтик в деревне. - "Русское слово", 1911, № 2.

2. Д. Н. Овсянников - Куликовскии. История русской интеллигенции, ч. II, СПб., 1911, с. 103.

в известной теории графа Л. Толстого" (X, 42)¹, то "упоает на "Белого старичка"².

Плеханов не раз называл Златовратского "горячим, убежденным народником" (IX, 157; III, 220, 224). В этом отношении он проводил известную грань между ним и Глебом Успенским, который был далек от предвзятости перед "общинным духом" (У, 341; X, 313-314). Но в своих публицистических и критических работах Плеханов выдвиг на первый план то ценное, что было в творчестве Златовратского, и уже сам фактом использования его произведений в полемике с легальными и нелегальными общинниками отвергал распространенное мнение о фальсификаторском характере творчества автора "Деревенских будней".

Но надо забывать, что почти весь фронт либеральной и народнической критики 70-80-х годов рассматривал Златовратского - то в похвалу, то в похвалу - как идеализатора народной жизни. Эволюция его творчества, противоречивость отдельных его произведений, как правило, не учитывались. Одна часть критиков утверждала поэтому, что его произведения "не имеют хоть сколько-нибудь определенной ценности"³. Другая считала, напротив, что он возвел "новое здание, показавши нам не воображаемые, а действительные начала народной жизни, о которых до сих пор никому не снилось"⁴. В сущности и те и другие видели одни слабые стороны Златовратского, только оценивали их по-разному.

1. Очевидно, Плеханов имел в виду прежде всего повесть "Мои видения" (1886). По поводу этой повести один из критиков писал: "Мои видения" г. Златовратского - самый откровенный апофеоз учения графа Толстого, какой только можно встретить в нашей литературе" ("Русская мысль", 1891, № 3, отд. II, с. 164).

2. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I, с. 20. Белый старичок в рассказе того же названия ("Русское богатство", 1892, № 3) - олицетвление крестьянской фантазии, нечто вроде посланца божия, с помощью которого связываются мечты крестьян о "поравнении" помпы.

3. В. Чуйко. Сентиментальное народничество. - "Наблюдатель", 1907, № 11, с. 162.

4. А. М. Сидбичевскии. История новейшей русской литературы, СПб., 1907, с. 249.

На подобной точке зрения стояли и некоторые советские исследователи, сводившие объективное содержание творчества Златовратского к пропаганде народнических утопий. Так обедненно выглядел писатель, например, в статье Н. В. Яковлева¹.

Отзывы Плеханова показывали и показывают, что такой взгляд неполон и неточен и что необходимо внести в него существенные коррективы, с тем, чтобы правильно оценить творчество Златовратского как важное звено в развитии народнической литературы 70-80-х годов.

3

Особое место занимает в критическом наследии Плеханова оценки произведений Глеба Успенского. Помимо статьи "Г. И. Успенский" (1888), целиком посвященной писателю, Плеханов неоднократно обращался к его творчеству и в статьях о беллетристах-народниках Каронине и Паумове, и в работах публицистического характера. Ни на одного из русских писателей второй половины XIX века Плеханов-публицист не ссылался так часто, как на Успенского². Особенно это относится к периоду 80-90-х годов.

Пристальное внимание Плеханова к Успенскому в годы исторического спора между марксистами и народниками вполне понятно. Плеханов ценит его как "беспристрастного исследователя народной жизни" (11, 138), произведения которого давали яркое изображение русской пореформенной жизни, процессов, происходивших "во глубине России", и тем самым играли громадную роль в борьбе против народнического догматизма. С другой стороны, Успенский, отдавая известную дань народнической романтике, сам нередко предлагал утопические решения и высказывал взгляды, близкие к народническим, что не могло не вызвать решительных возражений Плеханова. В условиях борьбы с народническим утопическим социализмом марксистское освещение и оценка обеих сторон литературной деятельности писателя были одинаково важны и необходимы.

1. История русской литературы, т. IX, часть 1, Изд. АН СССР, М.-Л., 1956, с. 336-408.
2. По свидетельству людей, близко знавших Плеханова, Глеб Успенский принадлежал к числу его любимейших авторов. См.: Л. И. А к с е л ь р о д (О р т о д о к с). Этюды и воспоминания, Госиздат, Л., 1925, с. 51; О. В. А п т е к м а н. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний, Л., 1924, с. 78.

При всем том плехановская критика имела по преимуществу положительный характер. Глеб Успенский в оценке Плеханова — это прежде всего "самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех беллетристов-народников" (X, 40), писатель, который "беспощадно разрушил все главные положения народничества" (X, 151).

В обоих отношениях — и как исследователь народной жизни, и как разрушитель народнических иллюзий — он является, по мысли Плеханова, одной из крупнейших и ярких фигур народнической литературы 70-80-х годов, художником, в творчестве которого произошло значительное углубление во реализма. "Среди наших беллетристов-народников нет ни одного, который мог бы выдержать сравнение с ним по меткости своих характеристик и по глубине своего взгляда" (X, 149) — так писал Плеханов об Успенском в 1895 году, отмечая свойственную писателю глубину художественного постижения действительности.

На эту особенность литературного дарования Успенского указывали и другие проникательные современники писателя. Так, И. С. Тургенев видел в очерках "Крестьянин и крестьянский труд" "не одно знание деревенского быта... но и проникновение в самую его глубь"¹. Л. В. Оболенский отзывался об Успенском как о талантливом бытописателе, который "о каждом своим новым этюдом проникает все глубже и глубже в самую сущность народной жизни"². В известной характеристике Успенского, принадлежащей И. А. Гурвичу и приведенной В. И. Лениным в работе "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?", говорится о его "громадном артистическом таланте, проникавшем до самой сути явления"³.

Объяснение этой глубины произведений Глеба Успенского Плеханов находит в некоторых особенностях реалистического искусства писателя, в особенностях его художественного метода. Разбирая крестьянские рассказы и очерки, созданные писателем в конце 70-х — начале 80-х годов ("Из деревенского дневника", "Крестьянин и крестьянский труд", "Власть земли" и др.), Плеханов ясно показал, в чем именно заключается новое качество реализма Успенского в сравнении, например, с реалистическими зарисовками крестьянской жизни в произ-

1. Литературный архив, т. 3, Изд. АН СССР, М.-Л., 1961 с. 227.
2. "Русское богатство", 1883, № 2, с. 733.
3. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 263.

ведениях Наумова и Златовратского.

Показателен в этом смысле уже один из первых откликов Плеханова, связанный с именем Успенского. В 1884 году Плеханов обратился в работе "Наши разногласия" к очерку Успенского "Подгородный мужик" (1880), в котором писатель прослеживал процесс медленного, но верного распада больших крестьянских семейных общин. Надо сказать, что для народнической литературы 70-80-х годов эта тема не была совсем новой: так, в "Деревенских буднях" Златовратского вопросу о разложении семейной общины отводилось две главы (III и IV). Но Плеханов, неоднократно использовавший "Будни" в своей работе, на этот раз предпочел им очерк Успенского. Дело здесь, видимо, в том, что оба писателя, единодушно констатируя сам факт ломки семейно-общинных "устоев", далеко не одинаково объясняли его причины. Если автор "Деревенских будней", рассказав историю распада некогда крепкой семьи - артели братьев Гордеевых, усматривал основную причину семейных разладов в стремлении крестьян к "нравственной свободе"¹, то Успенский видел ее в другом.

Описывая в очерке "Подгородный мужик" одно большое крестьянское семейство, он показывал, что не явления морального порядка, а новые экономические отношения, складывающиеся в русской деревне, неуловимо подтачивают старый семейно-общинный быт. Пока семья занята исключительно земледельческим трудом, члены ее безоговорочно признают власть "большака", отдаст в его руки весь доход и т.п. Такой порядок держится, однако, лишь до поры до времени. Изменившиеся условия жизни заставляют семью обращаться к другим источникам дохода, и это приводит к крушению всего старого семейного уклада².

Выводы Успенского относительно причин и хода разложения патриархальной семьи позволили Плеханову проиллюстрировать на русском материале положение Маркса о бессилии общины перед логикой экономического развития. "Влияние денежного хозяйства на разложение первобытного коммунизма, - писал он, предворяя обширную выписку из очерка "Подгородный мужик", - прекрасно обрисовано г. Г. Ивановым (Успенским) в применении к семейной общине" (Л., 236). Плеханов отмечает здесь характерную, с его точки зрения, черту реализма Глеба Успенского - пристальное внимание писателя к тому, как "психология приспособля-

1. Н. Златовратский. Деревенские будни, СПб., 1882, с. 71

2. См. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VI, с. 485.

ется к экономике"¹, результатом чего и является художественная глубина его произведений. Ведь увидеть влияние денежных отношений на разложение семейной общины, показать, как оно происходит, - это и означало в данном случае проникнуть в сущность, в глубь явления.

Это свойство реализма Успенского Плеханов констатирует также в программных работах писателя конца 70-х - начала 80-х годов, а именно в очерках "Из деревенского дневника" и "Крестьянин и крестьянский труд", где принцип объяснения "психологии" из "экономики", крестьянского сознания из условий народного бытия получил наиболее ясное и полное выражение.

В русской литературе 70-80-х годов, отнюдь не бедной произведениями о деревне, очерки Успенского "Из деревенского дневника" (1877-1879) выделялись прежде всего непредвзятостью и глубиной художественного исследования народной жизни. Они значительно превосходили в этом смысле вышедшие в то же время "Деревенские будни" Златовратского, не говоря уже о менее крупных произведениях народнической беллетристики. Наблюдения и выводы, сделанные здесь Успенским, вызвали вокруг "Деревенского дневника" острую и длительную литературную борьбу². Народническая критика или отрицала правдивость и типичность созданных писателем картин и образов (Даво, Венгерова, Скабичевский и др.), или, в лучшем случае, давала его очеркам одностороннее истолкование (Михайловский, Протопопов, Ткачев). Объективная оценка очерков Успенского была дана лишь марксистской критикой. В статье "Г. И. Успенский" Плеханов подробно написал о той искренней и художественной правде, которая открылась ему в очерках в переходом на позиции марксизма.

Прежде всего Плеханов отметил здесь то же умение писателя смотреть в глубь вещей, объясняя материалистически связь между эко-

1. Ср. о этом место из другой работы, которое представляет собой перевод на язык социологии содержания очерка и как бы расшифровывает лаконичный отзыв о нем в "Наших разногласиях" (УШ, 260-261).

2. См. о ней в ценных комментариях В. П. Козьмина к У тому Полн. собр. соч. Г. И. Успенского, с. 425-468, а также в статье: Н. И. Соколов. Творчество Г. И. Успенского в русской критике. - В его кн.: Критики и литература. Л., 1977.

номическими и социально-психологическими процессами в деревне, что и в очерке "Подгородный мытик". Только теперь этот принцип реалистического искусства Глеба Успенского был применен не к изображению "семейной неурядицы", а к исследованию деревенской жизни в целом. Глубокий анализ влияния денежного хозяйства на расложение "стародедовских устоев", на расхождение крестьянства; показ бедственного положения крестьян при общинном строе и превращение их в новых условиях в "мучеников мелкого кредита"; прекрасное исследование причин появления "новых людей" деревни - коштанов, мироедов, кулаков и т.д. - все это складывалось в "Деревенском дневнике" в широкую и цельную картину, отражающую существенные стороны пореформенной действительности, и было воспринято Плехановым как новое, свежее слово в народнической литературе.

"Он видел многое из того, что не заметили другие" (X, 149), - говорил Плеханов об Успенском в 1895 году в статье "Пессимизм как отражение экономической действительности". В статье "Г.И. Успенский" он дал сжатый перечень того, что видел писатель в крестьянской жизни и что поставило его на особое место в ряду беллетристов-народников.

Успенский видел, замечает Плеханов, что "старинный, идеализированный народниками склад крестьянской жизни быстро разлагается от вторжения новой силы - денег" (X, 17).

"Наш автор видел, что богатые общины Самарской губернии могут "поставить работающего, здорового человека в положение совершенно беспомощное" и что, следовательно, "не все хорошо в деревенской общине, что нельзя объяснять одной бедностью все непривлекательные стороны народной жизни" (X, 18).

"Видел он, что "такое новое общественное деревенское учреждение, как сельское ссудосберегательное товарищество, ничуть не изменяет своего банковского духа... давая тому больше, у кого много, мало тому, у кого мало, и вовсе не доверяя тому, у кого ничего нет" (X, 18).

Видел, наконец, Гл. Успенский, что кулачество представляет собой продукт внутренних отношений общины, а не внешних только воздействий на нее" (X, 18), - заключал Плеханов обзор "деревенского дневника", добавляя к этому в статье "Н.И. Наумов" (1897), что в изображении Успенского "крестьяне-общинники такие же индивидуалисты, как и крестьяне-собственники" (X, 120).

Нол сума наблюдения Успенского, приводимых здесь Плехановым, и каждый из них в отдельности направлялись им против народников-утопистов с их верой в неоскрушимость общинных основ и устоев, с их представлениями об общине как о ячмике мужицкого коммунизма, с их упованиями на спасительную силу крестьянского быка и ему подобных учреждений, с их пониманием кулачества как чего-то случайного, чуждого и чуждого крестьянской массе с ее коллективистским "общинным духом".

В то же время эти наблюдения и выводы оценивались Плехановым, - хотя бы и ретроспективно, - как вклад в народническую литературу 70-80-х годов, как дальнейший шаг в ее развитии - шаг Г.И. Наумова, для которого кулак тоже был продуктом внешних влияний на общину, шаг и от Златовратского с его "число-сладкими" изображениями общинных добродетелей крестьян. В этом именно заключается смысл сопоставления очерков Успенского с произведениями Наумова и Златовратского, которые были позже сделаны Плехановым. Говоря в статье "Н.И. Наумов" о том, что главное завоевание автора "Деревенского дневника" состояло "в указании тех сторон крестьянской жизни, благодаря которым неравенство, а с ним и эксплуатация крестьянина крестьянином возникает в сельской общине даже и в тех случаях, когда совершенно отсутствуют благоприятные для их роста внешние влияния", - Плеханов замечал: "У Наумова не было ничего подобного" (X, 116). В работе о Н.Г. Чернышевском Плеханов противопоставлял Златовратскому, отводящему много места "изображению общинных инстинктов крестьянина", Успенского как автора "Дневника", который останавливался преимущественно "на изображении развивающегося в крестьянстве индивидуализма" (V, 341).

Произведениями, в которых реализм Успенского достиг наибольшей глубины, Плеханов считал очерки начала 80-х годов на тему о "власти земли", особенно циклы "Крестьянин и крестьянский труд" (1890). Анализ этого цикла занимает основное место в статье "Г.И. Успенский".

Как известно, Глеб Успенский выступил в очерках "Крестьянин и крестьянский труд" в роли публициста-теоретика, выдвигавшего положение о зависимости всего склада крестьянской жизни от "условий земледельческого труда", и в качестве художника, создавшего образ "настоящего" крестьянина Ивана Ермолаевича, на котором и было проявлено влияние названных условий на крестьянскую психологию. Вы-

вание Плеханова в одинаковой мере привлекла и та, и другая сторона произведения. При всех оговорках, Плеханов высоко оценил и теоретические взгляды Успенского, и их художественный результат.

В критике и публицистике 80-90-х годов плехановский анализ теории "власти земли" стоит вне всяких сравнений. Верно определяя ее сильные и слабые стороны, он был направлен против односторонних и поверхностных толкований этой теории в народнической - да и не только народнической - литературе.

Одновременно, хотя и апологетически рассматривала теорию Успенского группа критиков во главе с Н.К. Михайловским. Их интересовала не столько теоретическая ценность взглядов писателя, сколько его понимание "власти земли" как силы, будто бы спасительной и благодетельной для крестьянина. Н.К. Михайловский находил в теории Успенского лишь подтверждение своей "формулы прогресса", характеризуя власть земли как "всеопределяющий фактор", который "устанавливает гармонию в народной жизни", делал утопический вывод: "Коренные основы земледельческого быта, гармония земледельческого труда должна быть для нас неприкосновенной"¹. В качестве апологета власти земли, дающей якобы земледельцу всестороннее: физическое, умственное, нравственное, эстетическое и т.д. развитие, предохраняющей его от вредного влияния общественной дифференциации, сохраняющей в целостности общину и "аристократически-крестьянский" тип, выступал на страницах "Русского богатства" и Л. Алексеев².

К числу тех, кто безоговорочно признавал, что "власть земли существует и существует ко благу русского народа", принадлежал критик либерального лагеря К. Арсеньев. Однако для него, как и для ряда других критиков, характерно стремление внести кое-какие поправки к концепции Успенского. "В этих словах много правды, - говорил Арсеньев о решающем влиянии власти земли на духовный мир крестьянина, - но едва ли вся правда. Мирозерцание крестьянина зависит, без сомнения, от его бытовой обстановки, от характера его работы - но оно зависит также от юридического его отношения к земле, от господствующей формы крестьянского землевладения"³. Это

1. Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. V, с. 123-127.

2. Л. Алексеев. Земля и крестьянин. - "Русское богатство", 1882, № 7-8.

3. "Вестник Европы", 1883, № 10, с. 674.

мнение разделял и М. Протопопов, отрицательно отвечавший на вопрос о благотворности для крестьянства власти земли¹. Другие критики предлагали поправку иного рода: по их мнению, земля имеет такую же власть над крестьянином, как море - над рыбаком, лес - над охотником и т.п. и поэтому нет необходимости говорить о власти земли как о чем-то особом и исключительном².

Наконец, нужно сказать об оценке теории Успенского в литературе логального марксиста. Здесь мы имеем два близких друг к другу отклика, в которых указывалось на материалистический характер воззрений писателя. "Успенского его художественное чутье сделало материалистом"³, - писал П. Струве по поводу очерков "Крестьянин и крестьянский труд". Таким же образом истолковывал теорию "власти земли" П. Богучарский. Имея в виду те же крестьянские очерки, он указывал: "Успенский с удивительным проникновением в самые глубокие тайники души беднячка понял своим художественным чутьем коренную зависимость социальной психики от экономических условий, на которых она вырастает"⁴. Нельзя, однако, не заметить, что такая оценка концепции Успенского - без анализа и осуждения ее слабых сторон - также была неполной и неточной⁵.

Среди этой разногласицы плехановская оценка теории "власти земли" выделялась своей полнотой и разносторонностью, что отражал многогранность мысли Успенского. Плеханов признал, хотя и не столь безоговорочно, как Успенский, влияние власти природы и особенно

1. "Дело", 1882, № 7, отд. П, с. 11.

2. См. В. Ч у и к о. Беллетристика-народники (Глеб Успенский). - Наблюдатель, 1885, № 9, с. 243; Арт. "Власть земли", очерк Гл. Успенского. - "Русское богатство", 1882, № 3, отд. П, с. 8.

3. "Русская мысль", 1896, № 2, отд. П, с. 112.

4. "Начало", 1892, № 3, отд. П, с. 89-90.

5. Народническая критика не замедлила воспользоваться этим обстоятельством, и Н.К. Михайловский в статье "Мой промах", ссылаясь на заявление писателя о признании им природы корнем всех влияний на крестьянина, замечал по поводу приведенных слов Богучарского: "сам Успенский объяснял социальную психику не экономическими условиями, по крайней мере не ими на первом месте". - Полн. собр. соч., т. X, с. 196.

власти земли на крестьянина, на различные стороны крестьянской жизни. Но если писатель считал эту власть благотворной для крестьянина и предлагал утопическое решение - сохранить во что бы то ни стало власть земли, оградить созданный ею строй крестьянской жизни от "господина Купона", то Плеханов справедливо отвергал эту мысль и это решение как чисто народнический.

В статье "Пессимизм как отражение экономической действительности", сопоставляя взгляды Г.И.Успенского со взглядами П.А.Чаадаева, Плеханов писал: "П.А.Чаадаев объяснял жизнь народа его взглядами... Г.И.Успенский объяснил взгляды народа его жизнью: мирозерцание русского крестьянина - условиями земледельческого труда. П.А.Чаадаев был идеалист, Г.И.Успенский очень близко, хотя и бессознательно, подошел к материалистической философии и истории" (X, 151-152). Нечего и говорить, что здесь - в стремлении Успенского объяснить сознание народа условиями его бытия - Плеханов видел несомненное завоевание писателя.

Из этого, однако, не следует, что Плеханов прошел мимо слабых пунктов теории Успенского. Б.Бессонов в своей рецензии на двухтомник работ Плеханова о литературе и искусстве говорит о том, что "Плеханов выступает в защиту ряда положений ошибочной теории "власти земли", отдавая предпочтение природным условиям... перед условиями общественными"¹. Это утверждение нельзя признать справедливым. Положение о власти земли, т.е. природы, как решающем факторе, определяющем психику крестьянина, принадлежит не Плеханову, а Успенскому². Что касается Плеханова, то он именно в этом положении увидел наиболее уязвимое место теории Успенского и подверг его критике. "Отвлекаясь от всех общественных условий земледельческого труда" и рассматривая человека лишь в отношении к природе, Успенский, по словам Плеханова, вынужден говорить об этих условиях "как о чем-то вечном и неизменном" (X, 23-24). Он не понимает того, что "зависимость человека от природы имеет меру, которая сама изменяется" (X, 23), т.е. степень развития производительных сил. Эта основная ошибка приводит Успенского к противоречиям, заставляет его относить на счет "власти земли" то, что может найти объ-

1. "Русская литература", 1960, № 1, с. 234.

2. См. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. УП, с. 43.

яснить лишь при учете других факторов.

Для отождествления взглядов Плеханова и Успенского на власть земли нет, таким образом, достаточных оснований. Но здесь можно говорить о другом. Как ни фетишизировал Успенский "власть земли", его очерки убеждали в том, что в русской жизни 70-80-х годов, наряду с неизменными природными условиями, существуют другие, не менее могущественные факторы: уровень техники, "власть капитала", существенное неравенство и т.д., которые влияют на крестьянское бытие и сознание; да и сама природа бралась им, главным образом, в плане влияния на трудовую деятельность крестьянина, т.е. опять таки с экономической стороны. Наконец, из тех же очерков явствовало, что "власть земли" реально уже почти не существует, убывая с каждым днем "под ударами рубля". Вот почему Плеханов мог ссылаться на "Власть земли" как на произведение, в котором по-балзаковски глубоко показана зависимость "психологии" от "экономики"¹. Вот почему В.И.Ленин, формулируя одно из основных положений цикла "Крестьянин и крестьянский труд", записывал: "Психика мужика определяется не формой землевладения, а условиями производства"². Не просто "власть земли", т.е. природа, а экономика, условия труда и производства - вот что объективно выступало у Г.Успенского в качестве основного фактора, определяющего психологию крестьянина. Этот рациональный смысл формулы "власть земли" впервые был раскрыт Плехановым.

Таким образом, несмотря на существенные оговорки, Плеханов дал высокую оценку Успенскому - мыслителю, его "общему взгляду на крестьянскую жизнь". Материализм явился, с точки зрения Плеханова, теоретической основой художественного метода писателя и помог Успенскому - художнику создать художественный образ, отражающий психологию целого общественного класса.

Таким Плеханов считал образ "истинного крестьянина" Ивана Ермоловича в цикле "Крестьянин и крестьянский труд". В нем Успенский, по его мнению, во многом разрешил задачу изображения народного характера - одну из главных задач народнической литературы 70-80-х годов, создав реалистический тип громадной обобщающей силы и художественной выразительности.

1. См. Литературное наследие Г.В.Плеханова, сб. 1У, с. 224.

2. Ленинский сборник, т. XIX, с. 280.

По характеристике Плеханова, Иван Ермолаевич - это "чрезвычайно художественный тип "настоящего" русского крестьянина доброго старого времени", который "заключает в себе ответ на многие "проклятые" вопросы русской истории" (X, 135). К этому образу Плеханов обращался в целом ряде своих работ, оттенял каждый раз те или другие стороны сложного и противоречивого облика героя Успенского.

Как уже говорилось выше, философия "власти земли" не помешала Успенскому обнаруживать истинные причины, объясняющие существование старых устоев труда и быта, обуславливающие реальные интересы и предрасудки крестьянства. С особой силой это умение Успенского проникать в подлинные закономерности действительности сказывалось, по мнению Плеханова, там, где писатель переходил к анализу духовного мира крестьянина, как, например, в образе Ивана Ермолаевича.

"Каторжанный труд", работа при помощи первообитных, тяжелых, неудобных орудий труда, существовавших вот уже тысячу лет, не прекращавшееся ни на день заботы "по крестьянству" - все это, говорит Плеханов велед за Успенским, целиком поглощает Ивана Ермолаевича. Его умотанный крутотор ограничен узкими пределами своего хозяйства. Мысль его омеа и оводна лишь "там, где соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и т.д.". Что касается политики, общественных и т.п. интересов, то "ему некогда знать и интересоваться всем этим". Ивану Ермолаевичу чужды оппозиционные стремления. Одетый в солдатский мундир, он будет спокойно стрелять в польских и иных Иванов Ермолаевичей. Он мирится с абсолютизмом, с одной стороны, и готов представить "колебателя основ" куда следует - с другой. "Он - консерватор и по мыслям и по положению" (X, 38), - заключал Плеханов.

С большим искусством и проникновением "в глубь мелочей народной жизни" Успенский показал индивидуализм своего героя и его экономическую подоплеку. Плеханов остановился на двух наиболее важных проявлениях этой черты нравственно-психологического облика Ивана Ермолаевича, а именно - на его отношении к общине и к "коллективному труду на общую пользу".

Успенский считал, что община с передлами - это необходимое следствие "власти земли". Плеханов, приводя негодующий рассказ Ивана Ермолаевича о неудобствах передла "лядин", замечал, что последний "лучше Успенского понимает современное состояние условий земледельческого труда в России" (X, 26). Из рассказа Ивана Ермолаевича выходило, что неодинаковость средств производства, на-

однаковость в руках крестьянства, роковым образом подкапывает общину. То обстоятельство, что "один ослабел, другой обнищал, а третий ленин", означалось сильнее власти земли. "Хочу выписаться из общества", - в этой фразе, вложенной Успенским в уста своего героя, Плеханов увидел и приговор общине, и свидетельство индивидуализма Ивана Ермолаевича.

То же имущественное неравенство и инстинкт собственников делают невозможными "соглашение всех частных интересов". Вот почему и крестьянин средней руки Иван Ермолаевич, и бедняк Иван Босых сходятся на отрицательном отношении к работе "обща". Их страстные монологи, доказывающие хозяйственную и психологическую невозможность такой работы (а также и их индивидуализм), Плеханов полностью приводит в своей статье (см. т. X, с. 36-37).

Обратила на себя внимание Плеханова еще одна черта "истинного крестьянина". Иван Ермолаевич, говоря словами Плеханова, погружен в "непроходимый мрак невежества" (УШ, 214). Ни он, ни его сын Мишка не понимают, зачем им грамота. Правда, Иван Ермолаевич, смутно чувствуя приближение чего-то "недоброе, трудное, с чем надо справиться уметь", то есть новых экономических отношений, все-таки отдает Мишку в школу, но затем быстро и легко мирится с его нежеланием учиться. "Выходит, - стало быть, - замечал Плеханов, - что пока народный быт хоть немного соответствует народническим "идеалам", до тех пор грамоте не видится и надобности, а когда совпадает польза учения, тогда старые народные "устои" оказываются близкими к разрушению" (X, 39).

Восприняв образ Ивана Ермолаевича как типическое обобщение черт "среднего" русского крестьянина пореформенного периода и показав велед за Успенским, как условия земледельческого труда накладывают отпечаток на весь его облик, Плеханов дал сокрушительную критику народничества. Он убедительно показал, что и расчеты революционеров-равночинцев 70-х годов на крестьянский бунт, и хлопоты легальных народников последующего времени об укреплении общины, об устройстве школ для крестьян и т.д., приуроченные к политической оаодолтельности и "общинным инстинктам" Ивана Ермолаевича, неизбежно должны разбиться об его исторически обусловленный консерватизм, индивидуализм и темноту. Тем самым Успенский, резюмируя Плеханов, "подписал смертный приговор народничеству и всем "программам" и планам практической деятельности, хоть отчасти с

ним связанным" (X, 40).

"Человек будущего в России - мужик", - писал еще в пятидесятых годах А.И. Герцен¹, и эти слова стали девизом народничества. Своим анализом образа "настоящего" крестьянина Плеханов подчеркнул всю несостоятельность этого положения, несостоятельность тем более очевидную, что Ивану Ермолаевичу, по приязни писателя, осталось жить на свете много-много десяти лет, что рядом с ним в деревне возникают третье и четвертое сословие, то есть деревенская буржуазия и деревенский пролетариат.

"Само возникновение это, - писал Плеханов, - также можно бы проследить по сочинениям Успенского"². В своих работах 80-90-х годов он нередко обращается к образам "тех дробей", тех "нулей целых", положения которых так художественно изобразил Г.И. Успенский" (IX, 235). Большое значение придавал Плеханов письму Успенского в Обществе любителей российской словесности, в котором писатель, получивший в связи с 25-летием своей литературной деятельности приветственный адрес от рабочих, поздравлял русскую литературу с "новым грядущим читателем, с новым свежим "любителем словесности"³ "Г.И. Успенский по поводу... письма к нему от кружка петербургских рабочих поздравил русских писателей с новым грядущим читателем. Мы радостно приветствуем начало рабочего движения в России, поздравляем всех врагов деспотизма с новым грядущим борцом за политическую свободу" (IX, 230), - такой вывод сделал Плеханов из этого эпизода. И хотя сам Успенский, разделявший многие народнические взгляды, был далек от подобных выводов и ждал решения социального вопроса от крестьянства и интеллигенции (при всем понимании обреченности "роизана" между ними), его творчество, по глубоко верному замечанию Плеханова, подготовляло "почву для совершенно иных взглядов на нашу народную жизнь" (X, 116), помогало понять, "в каком направлении нужно искать правильного ответа" на вопрос о том, что делать и кто человек будущего в России" (X, 61).

Подведем некоторые итоги высказываниям Плеханова об особеннос-

1. А. И. Герцен. Избр. филос. произв., т. 11, М., Госполитиздат, 1948, с. 153.
2. Дом Плеханова. Архив Г.В. Плеханова. Фонд 1. Инв. 5962, ед. хр. Р. 19, 25, л. 4.
3. Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. 1, кн. 2, с. 341.

тик реализма Глеба Успенского.

По мнению Плеханова, Успенский - не просто замечательный художник-реалист, но и художник-социолог, обогативший свое искусство материалистическим пониманием зависимости сознания русского крестьянина пореформенной эпохи от условий его экономического бытия. Общий принцип реализма - изображение человека в причинной зависимости от окружающей его среды - выступает у Г. Успенского в особой форме: наиболее важным фактором общественной среды, воздействующим на крестьянина, является в понимании писателя фактор экономический. В этом заключается, по Плеханову, новое качество реализма Г. Успенского, которое сделало его непревзойденным по глубине исследования народной жизни и беспощадным разрушителем народнических иллюзий. Эту черту реалистического метода писателя Плеханов констатирует по всем значительным произведениях на крестьянскую тему, идет ли в них речь о деревенской жизни в целом ("Из деревенского дневника"), о внутрисемейных отношениях в крестьянской среде ("Подгородный мужик") или о духовном облике отдельного крестьянина ("Крестьянин и крестьянский труд"). Как показал Плеханов, этот принцип был обоснован Успенским и теоретически.

Характеризуя литературное народничество в целом, критик указывал, что "жгучие вопросы народной экономики" волновали в 70-80-е годы всех писателей этой школы (X, 14). И если в крестьянской жизни их интересовала раньше всего среда, то экономические условия, которые окружали крестьянина, понимались ими как один из важных ее элементов. Объективно это явилось отражением исторической действительности, в которой происходила "острая ломка всех "старых устоев" старой России"¹, обнажившая экономическую подоснову многих явлений и противоречий эпохи. Вот почему детальное и точное исследование "народной экономики", иной раз с цифрами и данными статистики, становилось в литературе народников довольно обычным делом.

Но это совсем не означает, что все писатели-народники в одинаковой мере осознавали роль экономического фактора в ряду других, правильно оценивали его влияние на различные стороны народной жизни. Если, например, из рассказов Наумова Плеханов мог заключить, что экономической причиной кулачества является натуральное хозяй-

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

ство"¹, то сам писатель не увидел связи между этими двумя явлениями. Если Златовратский в "Деревенских буднях" тщательно изучает экономические отношения современной ему деревни, то все же самым "существенным фактором", влияющим на "мужицкую "психику", на "все мужицкое мировоззрение", он считает общинные и "заветы народа"². Успенский глубже, чем что-нибудь другой из беллетристов-народников, осознал значение экономических фактов для понимания "механики народной жизни".

Для Успенского экономический фактор был не просто одним из элементов среды, а наиболее важным из ее составляемых. Учитывать этот фактор при изображении крестьянства было одним из первых принципов реалистического искусства писателя. На первых страницах "Деревенского дневника", формулируя программу своей работы, Успенский указывал, что он старался показать, как измененные экономические и общественные условия в положении "мужика" изменяют "его нравственный мир"³. Тут же задачу ставит перед собой художник и в очерках "Крестьянин и крестьянский труд". Примечательно, что В.И. Ленин в своих отзывах на эти два очерковые цикла отметил как раз те наблюдения писателя, в которых обнаружилось его умение видеть зависимость крестьянской "нравственности" от "любля", "психики мужика" от "условий производства"⁴.

В этом свете становится до конца понятной аналогия между Успенским и Бальзаком, проведенная Плехановым в добавлении к работе "К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю". В этой работе Плеханов характеризовал Бальзака как художника, много дающего для понимания зависимости между психологией общественных классов и экономикой общества, а в примечании к ней писал: "Г.И. Успенский смело может быть поставлен рядом с Бальзаком в этом отношении"⁵. Это сопоставление не случайно. Еще Маркс и Энгельс указывали, что мысль Бальзака необычайно глубоко проникала в экономические отношения современного ему общества. На подобной точке зрения

1. Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. У1, с. 246.
 2. Н. З л а т о в р а т с к и й. Деревенские будни, СПб., 1882, с. 136.
 3. Г. И. У с п е н с к и й. Полн. собр. соч., т. У, с. 11.
 4. См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 393; Ленинский сборник, т. Х1Х, с. 280.
 Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. У, с. 224.

стоял и Плеханов, и сравнение с Бальзаком еще раз оттеняло характерную, по его мнению, особенность реализма Успенского¹.

Глубокий реализм Успенского отнюдь не исключал того, что Плеханов называл народнической романтикой.

В статье об Успенском - особенно в примечании к немецкому переводу ее - критик прямо говорит о народнической поэтизации писателем земледельческого труда и идеализации Ивана Ермоловича и жизни "трудами рук своих". По словам Плеханова, "народническая романтика... нашла свое выражение в произведениях Успенского, в которых показана "власть земли" и в которых писатель "старается идеализировать земледельческий труд, представить его как нечто в высшей степени привлекательное и поэтическое"². И если по силе реалистического искусства Плеханов ставил Успенского в один ряд с Бальзаком, то эта сторона его творчества заставляла Плеханова вспомнить и таких романтиков Тика и Новалиса, "которые так же хорошо, как он, умеют превозносить некие две сферы трудовой деятельности"³.

Говоря о другом аспекте народнической романтики писателя, Плеханов указывал: "Оплакивая пришествие и нам "цивилизации", Г.И. Успенский вполне уподобился тем социалистам-утопистам, которые, по замечанию Маркса, видели в эде только эго и не замечали его разрушительной стороны, которая низвергнет старое общество" (X, 62). В этом утопическом взгляде на "цивилизацию" Плеханов видел причину того, что Успенский почти не обращался к рабочей теме, а если и

1. Интересной была бы в этом плане параллель между крестьянскими очерками Успенского и романом Бальзака "Крестьяне", который Плеханов оценивал как "превосходную картину внутренних отношений французской деревни" периода реставрации, "написанную рукой великого мастера" (XIII, 243). В романе Бальзака афоризм: "Скажи мне, что ты имеешь, и я скажу, что ты думаешь" - возведен в принцип художественного исследования социальной психологии. Напомним, что именно в связи с этим романом Маркс отзывался о Бальзаке как о писателе, "замечательном по глубокому пониманию реальных условий". (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, "Искусство", т. 1, М., 1957, с. 526).
 2. Г. В. П л е х а н о в. Избр. филос. произв., т. У, с. 753-754.
 3. Там же, с. 754.

обращая к, то подчеркивал лишь "темные стороны фабричного быта" (X, 48), останавливаясь на картинах "фабричного распутства и греха" (X, 149).

Какие бы стороны творчества Успенского Плеханов ни рассматривал, он исходил прежде всего из объективного содержания его произведений. В этом смысле статья "Г.И. Успенский" противостояла народнической критике 80-90-х годов, которая проявляла усиленный интерес к творчеству писателя, стоявшего во главе одного из основных направлений русской прозы этого времени¹. Р. Дистерло и И. Оболенский, Н. Михайловский и М. Протопопов - все они, несмотря на оттенки в своих взглядах, обходили самое главное в творчестве Успенского - созданные им реалистические картины и образы. И попытки истолковать это творчество как выражение идей ортодоксального народничества во вкусе Юзова (Дистерло), и стремление представить в качестве главного предмета художественных наблюдений писателя "божную совесть" (Михайловский), и желание изобразить Успенского как даровитого художника, но слабого публициста, творчество которого соткано из противоречий между наблюдениями и выводами (Протопопов) - все это обедняло содержание и смысл произведений писателя и основывалось на игнорировании его реализма.

В противовес народнической критике Плеханов утверждал значение Глеба Успенского как выдающегося художника-реалиста, беспристрастного исследователя народной жизни и бесстрашного разрушителя народнических иллюзий.

4

Новую фазу в развитии народнической литературы 70-80-х годов Плеханов видел в творчестве младшего современника Успенского - С. Каронина (Н. Е. Петропавловского).

1. См. Р. Д и с т е р л о. Г. И. Успенский. Критический очерк. - "Неделя", 1887, № 38-52 (с перерывами); Н. К. М и х а и л о в с к и й. Глеб Иванович Успенский. Литературная характеристика. - В кн.: Успенский Г. И. Сочинения, т. 1, СПб., 1889. С о з а в е р ц а т е л ь (Л. О б о л е н с к и й). Сочинения Г. И. Успенского. - "Русское богатство", 1889, № 4; М. П р о т о п о п о в. Глеб Успенский. - "Русская мысль", 1890, № 8-10.

Именно его критик имел в виду, когда писал в письме к С. М. Крайскому в конце 1887 г.: "... Я отдам нашим народникам должную дань уважения. Вместе с тем я покажу, что в нашей беллетристике назначается, хотя еще и робко и почти бессознательно, новое направление, которое должно, наконец, ввести нашу общественную мысль в ее зрелый период"¹.

Насколько эта мысль Плеханова не была случайной, показывает та настойчивость, с которой он к ней возвращался. В каждой из статей серии "Наши беллетристы-народники" он неизменно отмечал своеобразие Каронина как писателя, внесшего нечто новое и значительное в освещение русской жизни пореформенной эпохи. Даже в том случае, когда Плеханов не соглашался с мнением некоторых критиков, будто "в лице г. Каронина народническая беллетристика входит в новый, так сказать, романтический период своего развития" (X, 70), он отвергал лишь взгляд на Каронина как на романтика, а не самую мысль о новаторском значении его творчества.

Какие же черты творчества Каронина представлялись Плеханову наиболее ценными, что позволило ему оценивать это творчество как новое звено в народнической литературе 70-80-х годов?

По мнению критика, оригинальность Каронина сказалась уже в разработке им крестьянской темы. В цикле "Рассказы о парашкинцах" и отчасти "Рассказы о пустыках" писатель не только следует за Глебом Успенским, но и оттеняет в крестьянской жизни такие стороны, каких мало касались или совсем не затрагивали наши народники-беллетристы" (X, 92).

Осенью 1883 года Плеханов писал: "Крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прямые "старо-дедовские устои" его хозяйства рушатся..., новые же формы труда и жизни еще только складываются" (11, 87). В этих словах, напоминающих фразу из "Анны Карениной", в которой В. И. Ленин нашел ключ к объяснению творчества Льва Толстого, метко охарактеризован кризисный, переломный характер русской деревенской жизни в 70-80-е годы. Эту типическую черту эпохи хорошо видели и осознавали писатели-народники:

"... Настоящая эпоха, - констатировал Златовратский, - эпоха критическая, переходная в жизни русского мужика, эпоха, когда идет борьба за преобладание между старыми традициями и новыми веяниями"²

1. "Исторический архив", 1958, № 6, с. 8.

2. В. И. З л а т о в р а т с к и й. Деревенские будни, СПб., 1882, с. 123

Глеб Успенский, имея в виду сложность деревенской жизни "переходного времени", писал: "Разных пут, доставленных недавно старинно, великое множество, а новых, еще неисследованных и непривычных затей - также едва ли не больше, чем старых пут"¹.

"Он жил в то время, - говорил Каронин об одном крестьянине, жившем в "атмосфере загадок и загвоздок", - когда не было ничего определенного ни в области мужицких отношений, ни в круге тех отношений, которые влияли на него извне... Кругом же его в деревне был хаос; ничего прочного не виделось ему; старое, по-видимому, рушилось, но новое еще не было создано"².

Говоря в рецензии на очерки В. Быстренина о том, что писатели-народники "охотнее изображают гибель старого, чем появление нового" Плеханов делал, однако, исключение для Каронина. Творчество этого представителя младшего поколения беллетристов-народников тем и привлекло к себе внимание критика, что писатель глубоко исследовал обе стороны процесса, происходящего в деревне, то есть показал и распад старых общинных "устоев", и зарождение в крестьянской среде "того, чего никогда не было". Именно это и обеспечило Каронину, по мысли Плеханова, особое место в народнической литературе 70-80-х годов.

В борьбе с утопическими взглядами народников на общину Плеханов эффективно использовал произведения Каронина из цикла "Рассказы о парашкинцах" (1879-1880). "Когда наша народническая "интеллигенция" рассуждает о так называемых "устоях" народной жизни, она забывает о реальных, исторических условиях, в которых эти "устоя" приходится развиваться... Недостаточно одобрять общину в принципе, нужно спросить себя, каково живется современным русским общинникам в современной русской общине и не лучше ли было бы, если бы эта современная община - со всеми ее современными, действительными, а не вымышленными условиями - перестала существовать?" - такой вопрос задавал Плеханов в статье о Каронине, и в произведениях писателя нашел правдивый ответ на него, трезвое и непредвзятое изображение "реальной, исторической" общины.

К таким произведениям Плеханов отнес в первую очередь три

1. Г. Успенский Полн. собр. соч., т. У1, с. 486.

2. С. Каронин (Н. Э. Петропавловский). Соч., т. 1. Гослитиздат, М., 1958, с. 109.

рассказа из цикла о парашкинцах: "Фантастические замыслы Миная", "Последний приход Демь" и "Как и куда они переселились". Во всех этих рассказах Каронин изобразил безнадежный распад общины и бегство крестьян из разоренной деревни.

В числе первых парашкинцев, которые покидают насиженные места и бегут из деревни - мечтатель и фантазер Миная Осипов ("Фантастические замыслы Миная"). Вначале этот "парашкинский Дон-Кихот" (выражение Плеханова), терпеливо и даже весело несущий свой тяжелый крест, надеясь на силу и помощь "мира". Но постепенно задавленный голодом и нищетой Миная убеждается, что никакой помощи от мира, в котором главенствует кулак Елишка Колупаев, ждать не приходится. "Общество" стало являться "перед ним как враг, от которого надо удрать". Так Миная после некоторых колебаний и поступает.

Другой рассказ Каронина открывается сценой крестьянского схода, на котором обсуждается поведение молодого крестьянина Демь Лукьянова. Он отказывается платить подати и заявляет о своем желании покинуть "общество". И не он один. С каждым годом "число парашкинских бродяг все более и более увеличивалось; образовался особенный класс, который только числился на миру, а жил уже другой жизнью. Вот Илим Дельный, Петр Зеспалов, Семен Белый... да их и не перечесть всех"¹. На судьбе Демь писатель, говоря словами Плеханова, "прекрасно показывает, каким образом возникает, зреет и, наконец, становится непреодолимым стремление крестьянина порвать с голодной и бесприютной деревенской жизнью.

Те, кто еще остался в деревне, переживают "шемящую душу мысль - бежать из насиженного места". В рассказе "Как и куда они переселились", замыкающем цикл о парашкинцах, Каронин показал, как обстоят дела вставляют крестьян привести эту мысль в исполнение. Доведенные до последней степени нищеты и отчаяния, крестьяне перед угрозой неминуемой смерти всем обществом бегут из Парашкина. "Одни бежали в города... Другие ушли неизвестно куда... Третьи бродили по окрестностям, не имея ни семьи, ни определенного приюта, потому что в своей деревне ни за что не хотели вернуться. Так кончили парашкинцы"².

Но голод, нищета и податный гнет, которые гонят крестьян из

1. Там же, с. 115

2. Там же, с. 146-147.

деревни, - не единственная и даже не решающая причина разложения общины. Еще основательней подрывает общину логика ее собственного развития. Эта сторона дела глубоко освещалась писателем в рассказе "Братья", высоко оцененном Плехановым. В начале этого произведения один из героев рассказывает историю крестьян-березовцев, которые пришли из внутренней губернии и поселились в степи при самых благоприятных условиях. Проходит немного времени, и березовцы попадают в цепкие лапы кулаков. "Это пришлые люди? - Кровные и домо-рожденные", - так отвечал Каронин на вопрос о происхождении кулака, подчеркивая всем содержанием своего рассказа, что "березовцы в собственной жизни заключают причины зарождения, развития и питания своих врагов"¹. "Трудно ярче изобразить бессилие современной общины в борьбе с разлагающими ее влияниями" (X, 92), - писал Плеханов, комментируя этот рассказ. Говоря о том, что в других произведениях народнической литературы "также рисуется довольно яркая картина разложения "устоев", Плеханов отмечал, что никто не заходил в этом отношении так далеко, никто не возвращался к этому предмету так настойчиво и так часто, как г. Каронин" (1, 68).

В своих лучших рассказах Каронин был далек от народнической романтики, иной раз даже дальше, чем Глеб Успенский. В частности, он равнялся с Успенским по вопросу о "власти земли" и в ряде своих рассказов показывал, что реально ее не существует для крестьянина, "освобожденного" от земли. "В применении к парашкинцам, - писал в этой связи Плеханов, - речь могла бы идти уже не о "власти земли", о которой речь идет у Гл. Успенского, а разве лишь о власти "болотца", с которой неразрывно была связана власть полицейского начальства" (X, 72).

Правда, об одном произведении - повести "Мой мир" Плеханов заметил, что здесь Каронин дал "ход своим народническим пристрастиям" (X, 69). В повести рассказана история интеллигента-народника Варина, порвавшего со службой и ушедшего в деревню в поисках пути к народу к осмысленной жизни. В деревне он обближается с крестьянами, "опрощается" и приобщается к "мирской" жизни. Вмешательство властей прерывает просветительскую и "мирскую" деятельность Варина в самом ее разгаре.

Говоря о "народнических пристрастиях" Каронина, Плеханов, оче-

1. Там же, с. 461-462.

видно, имел в виду и известный налет идеализации крестьянства в повести¹, и разрешение им тем интеллигенции. Последнее выделяло повесть Каронина из ряда произведений народнической литературы, в которых рисовалась аналогичная ситуация, но сама тема раскрывалась как тема бесплодности попыток интеллигенции "слиться" с народом ("Овца без стада" Успенского, "Устой" Златовратского, "Офицера" Эртеля, "Сувенир" Осиповича-Новодворского, "Не то, Из дневника "сидевшей на земле" Ивановича-Сведенцова, "Ворская колония" самого Каронина и др.). Это больше отвечало исторической действительности. Можно думать, что каронинское решение вопроса о демократической интеллигенции и ее миссии и вызвало отрицательный отзыв Плеханова о повести.

Но, как замечал сам Плеханов, произведения, подобные повести "Мой мир", в творчестве Каронина "стоят одиноко" (X, 66). Подавляющему большинству его произведений свойственна та "художественная правда", которую проникнуты "Рассказы о парашкинцах", "чуждая всякой сентиментальности правдивость"² в изображении крушения старых деревенских урядов.

Еще больше, чем картины разложения общины, привлекала к себе внимание Плеханова другая сторона каронинских рассказов, а именно: изображение роста в крестьянской среде новых запросов, "новых чувств, новых взглядов на вещи и новых умственных потребностей" (X, 71). В полемике с народниками марксисты не раз подчеркивали историческую прогрессивность развития капитализма в России, указывая на огромное значение этого процесса для пробуждения народных масс. "Этот экономический процесс отразился в социальной области "общим подъемом чувства личности"... именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства"³, - писал В.И. Ленин. "Старая Обломовка рухнет, - говорил Плеханов, - новые экономические отношения пробуждают народную

1. Даже критик народнического "Русского богатства" А. Слепцов вынужден был заметить: "Это прелестная идиллия, но увы - довольно неправдоподобная". - "Русское богатство", 1898, № 6, отд. II, с. 102.
2. Черновой вариант статьи о Каронине. Дом Плеханова. Фонд № 1, инв. 5362, ед. хр. № Р. 19. 26, л. 2.
3. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.

мысль.
 Писатели-народники, рисуя преимущественно те ужасы и бедствия, которые нес народу капитализм, не могли все же пройти мимо положительного влияния совершающегося в деревне переворота на крестьянскую психологию и мысль. Наблюдения такого рода Плеханов отмечает у Знаменского и Г. Успенского, которые не раз отметили "то обстоятельство, что современный крестьянин часто ударяется в кулацкую наживу именно потому, что видит в деньгах единственное средство ограждения своего человеческого достоинства" (X, 92).

Особое место в народнической литературе 70-80-х годов Плеханов отводит Карониному, для которого "процесс перерождения русского крестьянства" был одной из главных тем и который изобразил этот процесс наиболее рельефно. Значение этой темы в творчестве Каронина состояло и в том, что писатель подметил и указал "подъем чувства личности" не только среди кулацких элементов деревни, но и среди "горькой деревенской бедноты" (X, 93).

Анализируя "Рассказы о парашкинцах" и "Рассказы о пустяках" (1881-1883), Плеханов подчеркивал волею Каронина, что в богатстве крестьян из деревни повинны не только голод и нищета, но и растущее в крестьянской среде чувство собственного достоинства, выход крестьянской мысли за узкие пределы хозяйства, стремление крестьян избавиться от унижений, неизбежных в деревне. Прекрасные примеры тому Плеханов нашел в рассказах "Деревенские нервы" и "Больной мигель", герои которых бегут от "пустяков", от своего хозяйства в поисках осмысленной жизни. Те, кто остается в деревне, сталкиваются в конце концов с неизбежными в "мирской" жизни порками и холодами. Такова судьба кузнеца Егора Панкратова ("Вольный человек"), стремившегося жить "по правилам", по закону и всячески старавшегося оградить свое человеческое достоинство от поругания. Такова же участь крестьянина Ивана Иванова, которого "мучила жажда учиться" (рассказ "Ученый"). Несмотря на то, что столкновение пробуждающегося в крестьянине чувства собственного достоинства с действительностью оканчивается часто трагически, сам фант этого пробуждения говорит о многом.

Выведенные Карониным разнообразные типы "вольных людей" и "ученых" из крестьянской среды являются, с точки зрения Плеханова

1. Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. 1У, с. 93.

подлинным "знамением нового времени". Они свидетельствуют о том, что вторжение новых экономических отношений в русскую деревню вызывает "к жизни такие стороны крестьянского ума и характера, развитие которых было невозможно при старых порядках и в то же время было необходимо для дальнейшего поступательного движения народа" (X, 92). Такова мысль Плеханова, точно отражающая объективное содержание целого ряда рассказов Каронина - и не только разг. ранних в статье о писателе, но и многих других, герои которых тоже принадлежат к разряду "новых людей деревни" ("Безгласный", "Дикий", "Предпраздничные размышления", "Несколько колеб"').

Следует сказать, что в литературной критике 30-30-х годов эта важная сторона произведений Каронина осталась почти незамеченной. За исключением М. Протопопова, который без всяких на то оснований утверждал, будто Каронин "идеализировал народную жизнь", изображал ее "чересчур светлыми красками", критикам виден лишь в его рассказах одни мрачные стороны крестьянского быта. "В целой серии рассказов про парашкинцев, - писал, например, А. Богданович, - представлен с почти зыблым реализмом необъятный мир тьмы, невежества, животного прозябания". На подобной же позиции стояли и другие критики - А. Слепцов и Н. Санин, А. Скабичевский и А. Пипин³. В одном лишь "Северном вестнике" была высказана в форме предположения и с оговорками мысль, которая четко выражена в статье Плеханова. Разбирал образ Фрога Пантелеева в рассказе "Безгласный", рецензент журнала писал: "Этот тип - если только Фрог-тип, а не редкостное исключение - еще очень мало разработан нашей литературой. Он создан и вызван и жизни условиями, совершенно изменяемыми существование деревни, которая теперь все чаще и чаще приходит в соприкосновение с городом. Под новыми впечатлениями и влияниями не пробуждается ли мысль деревни? Не растет ли в мужике самосознание?"⁴

1. "Русская мысль", 1891, № 10, с. 139.
2. "Мир божий", 1898, № 11, отд. П, с. 11.
3. См. А. С л е п ц о в. Н. Е. Петропавловский (Каронин). - "Русское богатство", 1893, № 6, отд. П, с. 84-85; Н. С а н и н. Н. Е. Петропавловский-Каронин. - "Научное обозрение", 1899, № 7, с. 1329; А. С к а б и ч е в с к и й. Мужик в русской беллетристике. - "Русская мысль", 1897, № 5, с. 103-105; А. П и п и н. Деревня. - "Вестник Европы", 1893, № 4, с. 758-759.
4. "Северный вестник", 1898, № 11, отд. П, с. 11.

Ирония отвечал на этот вопрос довольно определенно, и Плеханов приветствовал его как замечательного исследователя народной жизни, рисовавшего народ не таким, "каков он есть", а таким, каким он становится под влиянием происходящих в пореформенной деревне перемен.

Новаторство и оригинальность Каронина сказались, по Плеханову, не только в освещении крестьянской темы, но и в его подходе к изображению рабочего класса.

Как отмечалось, рабочая среда, судьба русского пролетариата интересовали писателей-народников неизмеримо меньше, чем все то, что было связано с крестьянством. Были, конечно, исключения: сам Плеханов находил, например, "не мало интересных сведений о быте и нравах приисковых рабочих" в рассказах Наумова¹; отметил он и образ Михаила Ивановича в цикле Успенского "Разоренье", но его, по-видимому, не удовлетворила фигура этого одинокого протестанта, "Чацкого из фабричных рабочих" (X, 14). При всем том в народнической литературе 70-80-х годов Плеханов смог выделить лишь одно произведение - повесть Каронина "Снизу вверх" (1886), в соответствии с исторической правдой. Плеханов дал этой повести чрезвычайно высокую оценку и поднял в связи с ней самые важные вопросы общественно-литературной борьбы 80-90-х годов и развития демократической литературы.

В серии "Рассказы о парашинцах" Плеханов особо отмечал рассказ "Последний приход Демн", в котором писатель сравнивал условия жизни своего героя в деревне и в городе, отдавая предпочтение последнему. В развернутом виде эта тема "сопоставления двух жизней" была воплощена Карониным в его повести, где прослеживалась судьба молодого крестьянина Михаила Лунина, порвавшего, как и Демн, с деревней, ушедшего в город вследствие стремления жить "по-человачьему" и ставшего там рабочим.

В первой главе своей повести Каронин давал как бы синтез того, что было им написано о крестьянстве в двух предыдущих циклах. Нужда и бесправие были частью деду Михаила Лунина, его отца и его самого. Но у молодого поколения крестьян другое, чем у старших, отношение к "секуциям" и другим остаткам крепостного права. Общее

1. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. У1, с. 247.

движение натронуло деревеньку Яму и ее обитателей. Жизнь "не была в том, чем была пять лет назад. Новые обстоятельства - новые нравы"¹. Михаил Лунин, как и молодежь Ямы вообще, не мирится со своим положением и в поисках лучшей жизни покидает деревню.

Последующие главы повести изображали пребывание Михаила в городе. После многих заключений (он стал невольным соучастником одного мошенничества и попал в острог, долгое время перебивался случайными заработками) Лунин сближается с рабочим-слесарем Фомичем. Сам Фомич, прошедший школу стачек, тюрьмы и ссылки, его жена и товарищи принимают живейшее участие в судьбе Михаила. Он обучается инженерному делу, затем работает помощником машиниста, и, имея некоторый досуг, "с остервенением" учится, превращается в грамотного рабочего с довольно широкими интересами. Он размышляет о серьезных вопросах жизни. "Главная беда, несчастье, горе нашего брата в том, - говорит он, - что мысли нет... именно той главной мысли, которая показала бы нам, что делать, куда идти, как жить". На эти вопросы Михаила пока еще не может найти ответа и тоскует от незнания того, как помочь своим собратьям, оставшимся "там, на дне, где темно и холодно"².

На общем фоне народнической литературы заслуга Каронина, сделавшего в своей повести предметом художественных наблюдений рабочего, рабочую среду, должна была казаться Плеханову особенно важной. Особый поворот, который приняла у Каронина рабочая тема - приращение в рабочего вчерашнего крестьянина также придавал повести важное значение. В то время, когда народники и даже такой замечательный художник, как Глеб Успенский (во "Власти земли"), говорили только о развращающем, губительном влиянии города на крестьянина, оторванного от земли, Каронин утверждал нечто прямо противоположное. Плеханов отметил эту внутреннюю полемичность каронинской повести. "Гл. Успенский, - писал он, - не раз высказывал ту мысль, что как только крестьянин выходит из-под "власти земли", то он тотчас же развращается. Повесть "Снизу вверх" показывает, что Гл. Успенский ошибался" (X, 62).

Главным завоеванием писателя Плеханов считал создание образа Михаила Лунина, чей духовный и нравственный облик позволил ему

1. С. Каронин (Н. Е. Петропавловский). Соч., т. 1, с. 285.

2. Там же, с. 391.

дать ответ на вопросы, остро стоявшие в полемике между марксистами и народниками, именно: кто является человеком будущего в России и "что делать" демократической интеллигенции.

В первых двух статьях серии "Наши бесплетисты-народники" каронинский герой не случайно сопоставляется с Иваном Ермолаевичем из очерка Успенского "Крестьянин и крестьянский труд". Если анализом образа "настоящего" крестьянина Плеханов подчеркнул несостоятельность положений о том, что "человек будущего в России - мужик", то анализом образа Михаила Лунина он показал, что действительным человеком будущего является рабочий.

В молодом рабочем Михаиле Луине Плеханов отметил как раз те черты, которые отличают его от Ивана Ермолаевича: стремление не только к обеспеченной, но и разумной, сознательной жизни, неустанную жажду знаний, "какую-то необычайную жажду борьбы" с тем, что мешает ему и его братьям жить по-настоящему человеческой жизнью. "Иван Ермолаевич склонен схватить "колебателя основ" и, связав его, как вора, представить кому следует. Михайло Луин сам не сегодня-завтра примется колебать "основы". Воры Ивана Ермолаевича устремлены в п р о ш л о е. Он живет или хотел бы жить так, как жили его "прародители" ... Михайло Луин с содроганием и ужасом слушает рассказ о жизни "прародителей" и старается создать себе возможность иной, н о а о й жизни, обеспечить себе иное, лучшее б у д у щ е е. Словом, один представляет собой старую, крестьянскую, допетровскую Русь, другой - новую, нарождающуюся, рабочую Русь" (X, 105), которой принадлежит будущее. - так замечал Плеханов сопоставление этих двух образов.

Отсюда следовал ответ и на другой вопрос, поставленный еще Чернышевским в названии его знаменитого романа. "Перед Михайлоби, - пишет Плеханов, - стоял тот же роковой вопрос, над которым сиююко билась наша интеллигенция: ч т о ж е д е л а т ь? Что делать для того, чтобы внести свет в темную народную среду, чтобы избавить трудящийся люд от материальной бедности и нравственных унижений?" (X, 58-59). Обращаясь к демократической интеллигенции, которая не нашла широкой поддержки среди крестьянства, Плеханов призывал: "Идите в рабочую среду и помогите ей разобраться в в о п р о с а х, поставленных перед нею самой жизнью. В этой среде растет та новая историческая сила, которая освободит со временем в с е трудящееся население страны" (X, 109).

Различие в инслях, чувствах и чаяниях Ивана Ермолаевича и Михаила Лунина Плеханов объяснял разницей в условиях их труда. "Промышленный труд накладывает такую же заметную печать на рабочего, как земледельческий труд на крестьянина... Но так как крупная промышленность соответствует гораздо более высокой степени экономического развития, то неудивительно, что и нравственность промышленного работника - пролетария шире нравственности крестьянской" (X, 62). Эта сторона плехановского анализа также направлена против народников, которые говорили об умственном и нравственном превосходстве крестьянина, занятого земледельческим трудом, над фабричным или заводским рабочим¹.

Нельзя, однако, не отметить, что плехановское сопоставление, точнее противопоставление, крестьянина Ивана Ермолаевича и рабочего Михаила Лунина не лишено было односторонности, вызванной задачами полемики с народниками. Когда Плеханов писал, что "Михайло Луин есть настоящий антипод Ивана Ермолаевича" (X, 105), то он хотел сказать этим, между прочим, что "пролетарий и "мужичок" - это настоящие политические антиподы" (Ш, 386). Нетрудно видеть, что это замечание Плеханова (в духе его последующих меньшевистских заявлений) ошибочно, что оно шире, чем это позволялось характером послышок, лежащих в его основании. Ведь в статье о Каронине он сам ясно показывал, что Иван Ермолаевич - уходящий, разлагающийся тип - и как таковой не может олицетворять современное крестьянство. Для последнего более типичны фигуры каронинских крестьян, почти каждый из которых - в той или иной мере антипод Ивана Ермолаевича (X, 106-108). Ошибка Плеханова в том, что он распространял на все крестьянство черты, свойственные лишь определенной части его, и отделял непроходимой пропастью крестьянина от пролетария. Это дало народникам основание упрекать Плеханова в недооценке революционных возможностей крестьянства².

В одной из своих работ 1892 года Плеханов писал: "В России

1. См. напр., В.В. Наши направления, СПб., 1893, с. 138-139. Эта мысль выражена и в целом ряде произведений Г. Успенского, разделившего одно время "формулу прогресса" Михайловского.
2. См. рецензию М. Турского на сборник "Социал-демократ". - "Свобода", 1898, № 13-14, с. 7-9.

пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости" (III, 383). В "Истории одного рабачего", рассказанной Карониным, в умственных и нравственных стремлениях Михаила Лунина он нашел столь редкое в литературе 70-80-х годов отражение - хотя и бессознательное, на что сам указывал неоднократно - этого великого процесса, "той жажды знания", которая овладела молодым русским пролетариатом, и "той жажды борьбы, которая нераздельна у него с жаждой знания" (III, 383). Именно поэтому Плеханов горячо приветствовал писателя и в оценке его повести наиболее резко разошелся с народнической критикой.

В статье об Успенском Плеханов всоражал анонимному рецензенту "Русской мысли", который, объясняя тоску Михаила Лунина в финале повести, писал, что душа его "тянется от городской тесноты, давящей ее, к простору родных полей, от всей искусственной благодати к земле-матушке, из мрака фабрики и мастерской к свету божьего раздолья"¹. В статье о Каронине он резко отзывался о тех критиках, которые расценивали образ Лунина как "продукт необузданной и тенденциозной фантазии автора" (X, 69). К таким критикам принадлежали почти все, кто писал о повести "Снизу вверх" в 80-90-е годы. В "Вестнике Европы" Пыпин замечал об истории Михаила Лунина как "редкой и исключительной"². Критик "Русского богатства" Слещев усматривал в повести Каронина следы субъективного творчества и, касаясь содержания повести в целом, писал: "Все это мало правдиво"³. "Отступление от лучших заветов семидесятых годов и постепенное падение таланта" увидел в повести и Скабичевский. "Я понимаю, - писал он, - что при таких экстраординарных условиях лет в десять полуграмотный парашкинец мог пообтесаться настолько, чтобы смахивать на интеллигентного человека, хотя в голове все-таки был бы порядочный ералаш. Но представьте себе, что в четыре года он превратился и по наружности и по уму совсем в образованного джентльмена и вместе с тем настолько усвоил не только слесарное, но и механическое ремесло, что мог занять место помощника машиниста на одном заводе". Всему этому, заявил Скабичевский, "трудно поверить"⁴.

1. "Русская мысль", 1886, № 8, отд. II, с. 123-124.
2. "Вестник Европы", 1893, с. 757, № 4.
3. "Русское богатство", 1893, № 6, отд. II, с. 95.
4. "Русская мысль", 1899, № 4, отд. II, с. 125-126.

На этом фоне критическая заслуга Плеханова в оценке повести "Снизу вверх", да и творчества Каронина вообще - поскольку народническая критика в лице Протопопова, Скабичевского и других прошла мимо нового, что внес Каронин в изображение современной деревни - становится особенно очевидной¹. Она станет еще более ясной, если учесть, что Плеханов не только дал глубокую оценку творчеству Каронина, во многом сохранившему свое значение до настоящего времени, но и поставил в связи с ним вопрос об изображении рабочего класса, освободительного движения пролетариата в литературе. Здесь мы подходим к положительной программе, выдвинутой Плехановым в статьях о народнической литературе 70-80-х годов и как бы подводящей черту под его критической деятельностью первого периода.

В статье об Успенском Плеханов указывал на два тесно связанные друг с другом недостатка народнической литературы, которые уменьшали ее общественную роль и художественную ценность. Народническая точка зрения привела писателей этой школы к изображению крестьянской жизни и среды, в которой они надеялись найти ответ на главный общественный вопрос времени: что делать для освобождения народа? Однако здесь они ответа не нашли и в лице Успенского пришли к безотрадному выводу: "Не суесть!" С другой стороны, характер крестьянской среды с ее сплошным бытом и поглощением личности "миром" невыгодно отразился на художественной стороне их произведений, поскольку "художественному изображению хорошо поддается лишь та среда, в которой личность человеческая достигла уже известной степени выработки" (X, 35).

Для устранения этих недостатков и придания своим произведениям "высокого общественного и литературного значения" (X, 61) писателям-народникам нужно, говорил далее Плеханов, покончить с народническими предрассудками и обратиться к изображению рабочего класса и его борьбы. "В стране уже начинается историческое движение, способное вдохновить самого великого художника" (X, 60), происходит важнейший общественно-исторический процесс, экономический пролог

1. Недооценка повести "Снизу вверх" имели место не только в народнической критике. Один из столпов легального марксизма П. Струве называл ее "слабой по исполнению", находил в ней "крупные художественные грехи" ("Новое слово", 1897, № 8, отд. II, с. 50).

великой исторической драмы. "Надо надеяться, - писал Плеханов, - что с исчезновением народнических предрассудков у нас явятся писатели, с о з н а т е л ь н о стремящиеся к изучению и художественному воспроизведению положительных сторон этого процесса. Это будет большим шагом вперед в развитии нашей художественной литературы (X, 131). В предверии этой литературы, о которой мечтал Плеханов, стоял Каролин с его "историей одного рабочего".

Будущая литература мыслилась Плеханову как такая литература, которая будет сочетать искусство реализма с научным пониманием законов общественного развития. В противоположность Н.К. Михайловскому, который считал, что художественная литература, связанная с марксизмом, «фатально обречена на скудость»¹, Плеханов ввал писателей-народников "уловить основные поиски этого учения" (X, 64), "стать на точку зрения интересов пролетариата" (X, 61). "Будем надеяться, - писал он в другом месте, - что со временем явятся много таких художников, которые будут понимать, с одной стороны, "железные законы" движения "струны", а с другой - сумеют понять и показать, как на "струне" и именно благодаря ее движению вырастет "живая одежда" идеологии (УП, 237). Некоторые начатки такого понимания Плеханов находил у самого крупного и талантливого художника в ряду беллетристов-народников - Г.И. Успенского. Не случайно в статье о драме Горького "Враги" Плеханов ставил его имя рядом с именем основоположника пролетарской литературы, говоря, что "у художника Горького, у покойного художника Г.И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог" (XXIV, 276).

Так в работах Плеханова 80-90-х годов вырисовывается контур его положительной программы, выдвигается перед современной литературой новые темы и новые художественные образы. Впервые в истории русской критики - и одновременно с марксистской критикой на Западе² - историческое движение рабочего класса утверждалось здесь как

1. Н. К. Михайловский. Последние сочинения, т. 1, СПб., 1900, с. 45.

2. В апреле того же 1888 года, когда Плехановым была написана статья "Г.И. Успенский", Ф. Энгельс поднимает этот вопрос в известном письме к М. Гаркнесс, в 1891 году его ставит Поль Лафарг в статье о романе Золя "Деньги", в конце 90-х годов - Франц Меринг в статье "Натурализм и современное рабочее движение".

первостепенная тема художественной литературы.

Серия статей "Наши беллетристи-народники" достойно открывала собой литературно-критическую деятельность Плеханова. Замысел ее был одобрен Энгельсом¹, а перевод статьи "Г.И. Успенский" в 1892 году был помещен на страницах органа немецкой социал-демократии "Die Neue Zeit" под обобщающим названием "Народническая беллетристика и современное развитие России". Первая статья серии, посвященная Успенскому, произвела большое впечатление на современников² и оказала значительное воздействие на последующую критику.

1. А. Воден. Беседы с Энгельсом. В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, М., 1956, с. 342.

2. См. М. Турский, Рецензия на сб. "Социал-демократ". - "Свобода", 1888, № 13-14, с. 10; О. В. Аптекин. Общество "Земля и Воля" 70-х годов, II, 1924, с. 227-230. См. также письмо неизвестного корреспондента к Г.И. Успенскому от 25 сентября 1888 г. В кн.: Г. Успенский. Материалы и исследования, т. 1, Изд. АН СССР, М.-Л., 1938, с. 375.

• "СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ" И ПРОБЛЕМА НАСЛЕДСТВА

В апрельской книжке журнала "Новое слово" за 1877 год (где месяц спустя появится замечательная статья цикла "Наши беллетристы-народники") Плеханов поместил статью-рецензию на книгу А. Волынского "Русские критики". Она имела общее заглавие - "Судьбы русской критики", которое Плеханов дал новой серии своих работ, посвященных в основном классикам русской демократической критики и эстетики.

Кроме рецензии, в нее вошли еще три статьи, опубликованные в том же журнале в течение июля-декабря 1877 года ("Белинский и разумная действительность", "Литературные взгляды В. Г. Белинского", "Эстетические взгляды Чернышевского")¹. К ним близки по содержанию и полемической направленности две работы, формально в серию не включенные - рецензия на "Историю новейшей русской литературы" А. Свобичевского (1897) и речь о Белинском (1898).

Как и статьи о беллетристах-народниках, работы о судьбе русской критики тесно связаны со жгучими проблемами литературно-общественной борьбы своего времени. Настолько тесно, что без учета содержащегося в них полемического заряда не могут быть до конца пропущены их теоретический пафос и конкретная проблематика. В первую очередь это относится к статье о Белинском.

Главный идейный противник Плеханова здесь тот же, что и в других литературно-эстетических работах 80-90-х годов - народники, субъективная школа в социологии и критике, Михайловский². Добавил-

1. Первоначально "большая статья о русских критиках" предназначалась Плехановым для второго марксистского сборника (первый - "Материалы и характеристике нашего хозяйственного развития" был запрещен цензурой весной 1895 года), издание которого не осуществилось. См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1, М., 1925, с. 163; Социал-демократическое движение в России. Материалы, т. 1, Госиздат, М.-Л., 1928, с. 28.

2. Отвечая на пожелание Потресова - "разделить Михайловского" в работе о критиках (письмо от 23 декабря 1896 года, АДП, № 2966, ел. хр. В. 348, 7, л. 2), Плеханов писал: "А что Николаю Константиновичу не поодоровится, в этом Вы можете быть уверены" (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1У, с. 307).

ся Волынский, но и у того подвергается критике не столько специфически декадентские, сколько общидеалистические черты философии и эстетики. В "Судьбах русской критики" затрагиваются некоторые из тех вопросов, которые ранее уже ставились Плехановым и в общетеоретических трудах, и в статьях о народнической литературе, например, вопрос о взаимных отношениях свободы и необходимости, идеала и действительности. Здесь, однако, эти и другие вопросы соотносены с более общей проблемой "наследства" - одной из узловых в полемике второй половины 90-х годов.

В 1897 году В. И. Ленин писал, характеризуя ход борьбы между "русскими учениками" Маркса и народниками: "Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе "ученики", чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, - тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления. (...) Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить, - но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление"¹.

К числу таких выдумок В. И. Ленин относил легенду об отказе "русских учеников" от наследства.

Уже в 1894 году В. Воронцов - "реакционных теорий мастер", как называл его Плеханов, - писал о "буржуазности" русских марксистов, которые обрывают якобы "старую демократическую линию как общественный фактор"². Б. Пинский год спустя заявил, будто марксисты "изгоняют из нашей жизни светлые социальные перспективы, созданные усилиями целого поколения 1860-х годов"³. На подобной же позиции стоял и Н. Михайловский, писавший по адресу русских марксистов: "Эти люди не жаждут состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства"⁴.

В этих условиях русским марксистам "пришлось выяснять, "от какого наследства мы отказываемся" (Ленин) и "какое наследство мы принимаем" (Потресов)"⁵, - вспоминал позднее М. С. Ольминский, имел

1. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 507-508

2. "Неделя", 1894, № 48, стлб. 1545

3. "Исторический вестник", 1895, № 12, с. 960

4. Н. К. М и х а и л о в с к и й. Полн. собр. соч., т. Уш, с. 637.

5. М. О л ь м и н с к и й. Статьи о Салтыкове-Щедрине, Гослитиздат, М., 1959, с. 59.

в виду знаменитую работу В.И. Ленина "От какого наследства мы отказываемся?" (1896), в которой давалось глубокое марксистское решение проблемы наследства, и статью "О наследстве" и "наследниках" А.П. Тресова, сохранявшего тогда известную верность марксистскому знамени¹.

Вопросы того же порядка поставлены и во многих работах Плеханова 90-х годов. Важно уметь при этом, рассматривая вопрос о наследстве, Плеханов затрагивал такие стороны его, какие почти не получили освещения в тогдашней марксистской литературе. В.И. Ленин, очерчивая в работе "От какого наследства мы отказываемся?" круг проблем, подлежащих его исследованию, писал: "Сговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего наследства только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т.п."². У Плеханова внимание сосредоточено в основном на этих последних вопросах.

"Мы отрекаемся не от 60 и не от 70 гг., а от г. Михайловского"³ - такова общая формула плехановского решения вопроса о наследстве в его философском и эстетическом аспектах.

На обвинения, выдвинутые в статьях Глинского и Михайловского, Плеханов откликнулся в работах "Несколько слов в защиту экономического материализма" (1896) и "Об экономическом факторе" (1897). "Есть шестидесятники и шестидесятники, подобно тому как есть "мужик и мужик", - замечал он. - Если шестидесятники по своим стремлениям и по направлению своих мыслей похожи на автора примечаний и Миллю, то экономические материалисты глубоко уважают их. Но они не могут питать уважения к тем шестидесятникам, предраснодушие которых возмutilo бы и автора примечаний и Миллю и всех его сотрудников" (УШ, 220). Проводя здесь водораздел между идеями "Современника" и идеями субъективной школы Михайловского и Лаврова, он под-

1. См. А. Н. Потресов Старовер). Этюды о русской интеллигенции, СПб., 1906, с. 73-109. Статья была вырезана цензурой из первой книжки "Начала" за 1899 год, в связи с чем Ленин писал Потресову: "Статья А.П. мне чрезвычайно понравилась; от вырезки ее номер сильно потерял" (Полн. собр. соч., т. 46, с. 27)

2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 508

3. Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. 1У, с. 136.

черкивал, что после 60-х годов осталось наследство различного рода. Шестидесятью годами завещаны нам идеи "Современника". К этим идеям мы гораздо ближе, чем гг. субъективисты. Но те же шестидесятью годами завещали нам г. Михайловского и некоторых других субъективистов. От этого наследства мы отказываемся обеими руками¹.

В области философии Чернышевский "был гораздо ближе к нам, сторонникам диалектического материализма, чем к гг. субъективистам"², - конкретизировал Плеханов это общее положение. Теории субъективной школы, снижавшие достигнутый в 60-х годах уровень философской мысли, он квалифицировал как "реакцию против направления, господствовавшего в нашей передовой интеллигенции в эпоху "Современника"³. В подтверждение Плеханов напоминал тот факт, что эклектическая философия Лаврова в свое время была с резким осуждением встречена и Чернышевским, и Писаревым, и Антоновичем. Тем самым опровергалось популярное среди народников мнение, будто "дело современной субъективной школы русских социологов представляет прямое продолжение известнейших представителей умственного движения конца пятидесятых - начала шестидесятых годов"⁴.

Прямой отклик на выступления Михайловского и Глинского - лишь небольшой, хотя и характерный эпизод в борьбе Плеханова за теоретическое наследие революционных демократов. Не ограничиваясь полемикой с теми, кто обвинял русских марксистов в забвении идейных традиций прошлого, Плеханов нещадно критиковал и тех, кто на эти традиции нападал. В области философии и эстетики речь шла прежде всего о традициях Белинского и Чернышевского.

Еще в 70-е годы основные положения эстетики Белинского и Чернышевского были взяты под сомнение не кем иным, как народниками. А. Скабичевский развенчивал их в своих "Беседах о русской словесности" ("Отечественные записки", 1876-77), Г. Радзиевский в статье "Роль искусства" ("Неделя", 1878), смыкаясь здесь с либеральным флангом русской публицистики и критики (статья В. Кавелина "О за-

1. Литературное наследие Г.В. Плеханова, сб. 1У, с. 156.

2. Там же, с. 155.

3. Там же, с. 156.

4. "Неделя", 1875, № 30, столб. 980. "Конечным и типичным выразителем идей 1860-х годов" назвал субъективную школу В. Глинский ("Исторический вестник", 1896, № 4, с. 289).

дачах искусства" в "Вестнике Европы", 1878 год) Критика велась с позиции модной философии позитивизма и носилась самого сердца эстетической системы революционных демократов - учения о реализме¹. Продолжалась она и в последующее время.

С середины 80-х годов к народникам присоединились декаденты (выступления М. Белинского и Н. Минского в 1884 году в газете "Заря", затем уже в начале 90-х годов - книга Д. Мережковского "О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе"). Примерно в одно время появляются: в ретроградных "Московских ведомостях" - известные статьи В. Розанова "Почему мы отказываемся от наследства?" и "В чем главный недостаток наследства 60-70-х годов?", где наследие шестидесятников целиком именовалось "грудой черепков, с презрением оттапливаемых", и в "Северном вестнике" - статьи А. Волынского о русских критиках, в которых вражда декадентов к идеям эстетической школы Белинского и Чернышевского выразилась особенно четко и законченно.

В борьбе с этим антидемократическим движением, фронт которого все расширялся, Плеханов и принял участие серией статей "Судьбы русской критики" и другими, принадлежащими к ней работами 90-х годов.

Посвященные одной общей задаче - защите философско-эстетического наследства 40-60-х годов и марксистской оценке его, статьи эти отчетливо распадаются на две группы. Одни из них (рецензии на книги Скабичевского и Волынского) носят по преимуществу полемический характер. В остальных главное внимание уделено собственно анализу взглядов Белинского и Чернышевского.

В двух первых статьях предметом острой критики Плеханова стали Скабичевский и Волынский. Их работы, построенные как будто на разных философских основаниях ("реальная положительная философия" у одного, отвлеченное неогегельянство у другого), объединялись резко тенденциозным освещением эстетики и литературной критики русских демократов.

Для выступления против Скабичевского у Плеханова было еще и то основание, что автор "Истории новейшей русской литературы" "склонен был смотреть на себя как на писателя, всей душой предан-

1. См. об этом: Б. П. К о з ь м и н. К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е годы. - "Литература и марксизм", 1930, № 4-5, с. 26-54.

ного тому, что называлось у нас лучшими заветами 60-х годов" (У, 359). Таким образом смотрели на него и в народнических литературных кругах. В. Глинский, к примеру, изображал Скабичевского последним могиканом 60-х годов, который "получил от литературы 1860 годов хорошее наследство, не разбросал его попусту на жизненном пути", сохранил "верность традициям прошлого", "не опустил своего знамени и пр."¹.

В своей рецензии Плеханов резко отверг как общую схему развития русской критики, предложенную Скабичевским, так и оценки, данные им эстетическим теориям Белинского и Чернышевского, выннв вместе с тем неосновательность его претензий на роль хранителя наследства 60-х годов.

Михайловский так передавал выраженный в "Истории" Скабичевского взгляд на движение русской критики в 40-60-е годы: "наша литературная критика в лице Майкова поднялась было на высоту, сравнительно с Белинским, ступень, но потом, в лице Чернышевского и Добролюбова, пала еще ниже прежнего, да так с тех пор и не можем поправиться"².

Теория В. Майкова действительно предстала Скабичевскому некоей вершиной русской эстетики донароднического периода. Молодой критик возмущался им за счет Белинского и Чернышевского, взгляды которых по этому случаю подвергались грубейшим искажениям.

Первый из них держался будто бы "старых метафизических теорий" (имелась в виду эстетика Гегеля), строго ограничивавших область искусства прекрасным, и не сумел поэтому обосновать принцип "искусства для жизни". Другой своим положением "общеинтересное в жизни - вот содержание искусства" непомерно расширил область искусства, так что потерялась граница между искусством и наукой. Майкову одному, якобы удалось распутать сложный теоретический зел, оплывшийся не по силам Белинскому и Чернышевскому, и согласовать утилитарный принцип искусства с эстетическими воззрениями³.

1. "Исторический вестник", 1886, № 10, с. 263.

2. Н. К. М и х а й л о в с к и й. Полн. собр. соч., т. УП, с. 148.

Точности ради отметим, что самому Михайловскому эта схема представлялась весьма сомнительной.

3. А. М. С к а б и ч е в с к и й. История новейшей русской литературы, СПб., 1897, с. 57-67.

Дислам Скабичевского Плеханов противопоставил подлинные, неискаженные взгляды критиков-демократов. Он напомнил положение Белинского о том, что искусство не имеет самостоятельной области (прекрасное или что-нибудь подобное), что его содержанием — тождественное с содержанием философии — есть вся действительность. Везде за Белинским ту же мысль выражал Чернышевский в тезисе: "искусство воспроизводит все, что есть интересного для человека в жизни". Отсюда далеко, однако, до отождествления искусства с наукой. Первое воспроизводит жизнь, вторая — объясняет ее. Даже там, где Чернышевский как будто ставит знак равенства между ними, указывая на объяснительную функцию искусства, "между искусством и наукой остается весьма существенная разница: искусство объявляет о б р а в а м и, а наука — л о г и ч е с к и м и д о в о д а м и" (X, 311).

Мера верности Скабичевского "заветам 60-х годов" выливается Плехановым и на примере отношения критика-народника к творчеству Н. Успенского и В. Слепцова.

Вопреки авторитетному мнению Чернышевского, что писатели-рабочники, подобные Н. Успенскому, в своих рассказах и очерках пишут о народе "правду без всяких прикрас" ("Не начало ли перемены?", 1861), народническая критика 70-80-х годов в лице Ткачева, Скабичевского и других занялась раавенчиванием Н. Успенского и В. Слепцова, а заодно и критикой Чернышевского¹.

Скабичевский в своей "Истории" рассматривал этих двух писателей как типичных представителей "смехотворно-отрицательного отношения к народу". По его мнению, Н. Успенский писал свои рассказы "с единственной целью показать, как русский мужик невежествен, дик, смешон, загнан и забит, как тонет в грязи невежества, суеверий, пошлости"². Таким же образом оценивал он рассказы В. Слепцова, видя в них "барское отношение", "высокомерно-презрительный взгляд на народ". Статью "Не начало ли перемены?", посвященную Н. Успенскому, Скабичевский считал "величайшим промахом" Чернышевского³.

Касаясь этих фактов в своей рецензии, Плеханов писал: "По по-

1. См. об этом в кн.: Н. Ф. Б е л ь ч и к о в. Народничество в литературе и критике, М., 1934, с. 74-112.

2. А. М. С к а б и ч е в с к и й. История новейшей русской литературы, с. 210.

3. Т а м ж е, с. 68.

воду такого отношения к народу г. Скабичевский высказывает несколько глубокомысленных замечаний, пропитанных духом благонамеренного демократизма. Ему и в голову не приходит спросить себя: почему "насмешки" Слепцова и Н. Успенского над народом могли встретить одобрение со стороны людей, подобных Чернышевскому? Неужели единственно потому, что у автора "Эстетических отношений искусства к действительности" было мало эстетического чутья? На самом деле, причина лежит, конечно, не в этом" (X, 312). Она была в том, что революционер-просветитель Чернышевский целил в литературе прежде всего т. з. вую правду о народе. Народники же с их "менкомещанским демократизмом" требовали от писателей изображения "отрадных" явлений народной жизни.

В конце рецензии Плеханов с сарказмом отозвался о характеристике, данной в книге Михайловскому. По словам Скабичевского, тот явился в конце 60-х годов, в "эпоху полной умственной анархии", приняв на себя задачу "расчистить хаотическую груду от всего накопившегося в ней мусора, собрать все, что было в ней драгоценного, и облечь его в стройную философскую систему" и поставил литературную критику на твердую почву "новых реальных идей", внес в нее свет знания и философско-систематической мысли⁴. Говоря о главном изъеме Скабичевского — истории литературы и Михайловского — критика, Плеханов подчеркивал, что он "заключается в общей и безусловной негодности того, будто бы реального мирозерцания, которое стало господствовать в наших передовых литературных кругах в конце шестидесятых годов. Г. Скабичевский и его единомышленники не более, как д е к а д е н т ы, вообразившие себя столпами прогресса" (X, 315).

Называя Михайловского и Скабичевского "декадентами", Плеханов имел в виду их принадлежность к упадочным — сравнительно с теми же 60-ми годами — явлениям в русской философии и эстетике конца XIX века. Блестящую критику литературной реакции в ее собственно декадентском обличье он дал в статье по поводу книги А. Волынского "Русские критики".

Эта книга, вышедшая в 1896 году, представляла собой редкий даже в летописях антидемократической литературы пасквиль на русскую критику. Частото отвергая все философско-эстетические принци-

1. Т а м ж е, с. 108-109.

ны демократической критики, ее "безжизненные и бездушный материализм" и "реалистическую эстетику", Волынский отрицал какое бы то ни было положительное значение деятельности всех ее крупных предстителей. Так, литературную критику Белинского Волынский считал ложной в своих основаниях и бесплодной по результатам. "Идеализм не был руководящей точкой зрения Белинского на всем протяжении его критической работы", а потому "критика Белинского не создала никакой школы и осталась без решительного воздействия на историю нашего дальнейшего эстетического развития"¹. Столь же уничтожающе оценивал Волынский последующий период в развитии критической мысли - 60-е годы. "То, что писалось после Белинского... представляет, - по его словам, - какой-то странный бред публицистических недоразумений, каку-то скверную, растлевающую путаницу слов и понятий, без отправления эстетического начала, из теоретического центра, без руководящего литературного идеала"². Особенную ярость вызвал у Волынского эстетический трактат Чернышевского.

В противовес критической школе Белинского и Чернышевского Волынский выдвигал свой взгляд на сущность и назначение критики, с точки зрения которого он, по выражению Плеханова, чинил "суд и расправу над своими предшественниками в области литературной критики" (X, 175). "Изучая деятельность русских критиков, - формулировал Волынский этот взгляд в предисловии, - я держался... того мнения, что критика художественных произведений должна быть не публицистической, а философской, - опираться на твердую систему философских понятий известного идеалистического типа"³. "Поэтические образы искусства, - писал он в другом месте, - обнаруживают свой истинный смысл только в ярком освещении идеалистической эстетики"⁴.

Итак, идеализм в философии, идеализм в эстетике - вот суть взглядов Волынского, его философско-эстетическая программа. Понятно, что для защиты великих русских философов и критиков необходимо было прежде всего подвергнуть критическому анализу эти исходные посылы Волынского.

Народническая критика оказалась не в состоянии выполнить эту

1. А. И. Волынский. Русские критики, СПб., 1896, с. 14-15.
 2. Там же, с. 763.
 3. Там же, с. 11.
 4. Там же, с. 607.

задачу. Если не считать, с одной стороны, статьи М. Филиппова, в которой философия Волынского определялась как "ребяческий идеализм", и работы Н. Энгельгардта с единственным "философским" тезисом: "г. Волынский не знает Гегеля", а с другой - меланхолическое замечание М. Протопопова о том, что эстетические взгляды Гегеля и его ученика Ретшера, на которые опирался Волынский, "по самой своей сущности не допускают опровержений"¹, то с полным основанием можно сделать вывод, что ни философские, ни эстетические построения Волынского не стали даже объектом серьезного анализа в народнической печати. Дело объяснялось просто. Для критики взглядов Волынского нужно было более серьезное теоретическое оружие, чем то, каким она располагала. "Общая и безусловная негодность... будто бы реального мирозерцания" народников, о котором говорил Плеханов, проявилась и здесь, придав их полемике против Волынского характер сердитого бессилия. Весь пафос народнической критики его книги заключается не столько в опровержении ее теоретического содержания, сколько в моралистическом обличении невежества, самолюбия и т. д. ее автора. "Рыцарь без стыда", "невежда-фанатик", "маньяк", "эной, завистливый, неблагодарный и трусливый журнальный деятель", "хлестаковстающий декадент" - таков далеко не полный перечень тех последних аргументов, которыми побивали Михайловский, Скабичевский, Гайнский, Протопопов и другие доводы Волынского².

Иной характер носила критика Плеханова. Защиту философско-эстетического наследия Белинского и Чернышевского он осуществил, во-первых, в форме глубокой критики основных теоретических положений Волынского и, во-вторых, в виде положительного анализа взглядов Белинского и Чернышевского.

1. См. статьи М. Филиппова "Ребяческий идеализм" ("Русское богатство", 1893, № 9), Н. Энгельгардта "Критика русского самосознания" ("Книжки "Недели", 1896, № 1-3), М. Протопопова "Критик-декадент" ("Русская мысль", 1896, № 3).
 2. См. также: В. Г л и н с к и й. "Болезнь или реклама?" ("Исторический вестник", 1896, № 2); А. С к а б и ч е в с к и й. "Литература в жизни и жизнь в литературе" ("Новое слово", 1896, № 6, март); М. И е н ь в и к о в. "Критический декаданс" ("Книжки "Недели", 1893, № 7).

Основное в решении Плеханова на книгу Волынского - критика философского идеализма и идеалистической эстетики с точки зрения диалектического материализма. Разбирая взгляды Волынского, Плеханов показал, что они представляют собой не что иное, как ухудшенное издание абсолютного идеализма Гегеля (в решении основного вопроса философии), дополненное некоторыми элементами народнической "субъективной социологии" (в решении вопроса о свободе и необходимости) и не выдерживает критики ни с теоретической, ни с практической точек зрения.

Что касается "эстетики" Волынского, то Плеханов на примере Гегеля показал все бессилие эстетической мысли, идущей в колее идеализма, разрешить важнейшие вопросы теории и истории искусства. Аппетиты Гегеля и свойства всемирного духа, доказывал Плеханов, ничего не дает для объяснения исторической смены школ и направлений в искусстве. Только там, где Гегель "покидает свое идеалистическое царство теней, чтобы подышать свежим воздухом житейской действительности", он приближается к пониманию действительных, а не мнимых закономерностей исторического развития искусства (X, 173). В целом же, считал Плеханов, эстетика Гегеля является в настоящее время таким же анахронизмом, как и его философия. Эстетические построения Волынского, представляющие собой бледную копию с эстетики Гегеля со всеми недостатками оригинала, но без его достоинств, в еще большей мере анахроничны.

Обращаясь к истории эстетической мысли, Плеханов показал, что уже историческая школа 20-х годов во Франции (Гизо и др.) сделала многое для того, "чтобы оказалась ненужной эстетика абсолютных идеалистов" (X, 184). В России Белинский и Чернышевский вплотную подошли к решению задачи социального объяснения искусства. С появлением же диалектического материализма стала возможна научная эстетика и литературная критика, ибо "теперь уже установлены некоторые необходимые проlegomena общественной науки" (X, 136).

Такова - в самом скатом изложении - суть плехановской рецензии. Интересная сама по себе как первое выступление марксистской критики против эстетики декаданса и декадентских оценок эстетического наследия революционных демократов, она вместе с тем открывала серию статей Плеханова о судьбах русской критики. В них, наряду с борьбой против народнической и декадентской фальсификации наследия 40-60-х годов, ведущее место заняло марксистское освещение его.

Сюда относятся прежде всего работы Плеханова о Белинском.

В серию "Судьбы русской критики" вошли две статьи Плеханова о Белинском. Одна из них посвящена анализу философских, другая - эстетических взглядов критика.

Разбирая философско-эстетические взгляды Белинского, Плеханов останавливался на таких вопросах и проблемах, поставленных критиком в 40-е годы, которые имели прямое отношение к общественно-литературной борьбе 30-х годов. В философском плане это была проблема соотношения субъективного идеала и объективного процесса жизни, в эстетическом - вопрос об объективных основах художественного творчества и литературной критики.

Рассматривая эти вопросы в статьях о Белинском "с точки зрения конкретных взглядов наших дней" (X, 252), Плеханов выявлял, как они решались, с одной стороны Белинским, и с другой - марксистами и народниками. Тем самым он отвечал и на вопрос о том, кто на самом деле является преемником и продолжателем идеи великого русского критика, а кто отказывается от них.

"Бедная внешними событиями, жизнь Белинского ознаменовалась настоящими бурями в умственной области" (XXIII, 125), - писал Плеханов в одной из поздних работ. В статье "Белинский и разумная действительность" он рассмотрел эволюцию философских взглядов Белинского, подробно остановившись на "примирительном" периоде его бурных умственных исканий. Этот период получил особенно искаженное толкование в неверную оценку в литературе 70-90-х годов, в частности, в работах Волынского и Михайловского.

Волынский вообще считал Белинского неспособным к философскому мышлению и видел причину его примирения в ошибочном понимании знаменитого положения Гегеля: что действительно, то разумно. "По существу своей природы, по природному таланту Белинский не был мыслителем, философом, призванным вырабатывать какие-нибудь новые идеи, раскрывать новые духовные горизонты", - писал Волынский и утверждал, что Белинский "не хорошо разбирался в вопросах философских, неверно понял одним из важнейших принципов гегелевской метафизики" и что Гегель в выводах Белинского "несколько не повинен"¹.

Михайловский сокрушенно пожимал плечами по поводу метафизических заключений Белинского, которые не только сбивали критика с

1. А. Л. Волынский. Русские критики, с. 6, 13, 68.

точку ("как только эстетическое явление, - писал он, - осложнилось философскими и нравственно-политическими началами, так чутье правды более или менее изменяло ему"), и расценивал взгляды Белинского в период примирения как навешенный Гегелем "философский надор"¹. При всем различии между Волынский и Михайловский, оба они, отмечал Плеханов, были "твердо убеждены в том, что примирительные взгляды Белинского представляют собой одну сплошную ошибку" (1, 204).

В противоположность этой ходячей легенде Плеханов выдвинул и обосновал свою точку зрения на пережитую Белинским драму "примирения с действительностью". В эту пору своих философских исканий Белинский, по мнению Плеханова, проявил себя не только как гениальный ритик, но и как "одна из высших философских организаций" (слова В. Одоевского, цитируемые Плехановым), вплотную подошла к пониманию общественно-исторического движения как законосообразного и необходимого процесса.

Взгляды Белинского этого периода - выражение неудовлетворенности критика тем революционно-бунтарским, но во многом отвлеченным, оторванным от реальных процессов общественного развития отрицанием действительности, которое характерно для него в предшествующий период. В философии истории Гегеля Белинский увидел теорию, которая отвечала его стремлению освободиться от "яга абстрактного идеала", найти в самой действительности объективную опору для своей деятельности. Правда, писал Плеханов, увлеченный могучей объективной логикой философско-исторической концепции Гегеля, Белинский не сразу заметил противоречие между идеей развития Гегеля и его системой и на некоторое время пришел к примирению с крепостнической действительностью. Но когда Белинский заметил его, - а это, отмечал Плеханов, случилось очень скоро, - он возвратился к прежней идее революционного отрицания действительности. Но это было уже, подчеркивал Плеханов, не абстрактное отрицание Белинского середины 30-х годов. Теперь Белинский стремился опереться в своем отрицании действительности на ход ее собственного развития, ищет в ней самой объективные начала, гарантирующие осуществление его идеала. И хотя эта задача не была до конца решена Белинским - ибо такие объективные начала почти отсутствовали в русской жизни 40-х годов - его великая заслуга заключается в самой постановке

1. Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III, с. 670, 674.

ее¹.

Раскрыв таким образом взгляд Белинского на отношение субъективных стремлений людей к объективному ходу развития общественных отношений, Плеханов тем самым показал, что общее направление философских исканий Белинского вело его не к позитивизму О. Конта и Литтра, как это полагал Пипин², а к диалектическому материализму: "историческое развитие увлекшей его философской мысли, - по словам Плеханова, - направлялось как раз в эту сторону" (X, 240). "Белинский - предшественник русского марксизма"³ - в такой лаконической формуле выразил Плеханов свой взгляд на место критика в истории русской общественной мысли, место, которое по праву даст Белинскому его "отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие самой общественной жизни" (X, 349).

Что касается народников, то они пошли по пути, прямо противоположному тому, какой был завещан Белинским. На место логики внутреннего развития общества они ставят свои субъективные пожелания. Между их утопическими идеалами и действительностью (Плеханов иллюстрирует это на примере рассуждений народников об общине и правовых учреждениях) лежит пропасть, а сами они, будучи не в состоянии правильно решить вопрос о взаимном отношении субъекта и объекта в общественно-историческом движении, завязли в болоте дуализма. Из

1. У Плеханова, буквально "отирнувшего" глубокий теоретический смысл исканий Белинского конца 30-х годов, нет четкого ответа на вопрос о реальных общественно-исторических причинах, толкнувших критика к примирению. В одной из поздних работ Плеханов как будто связывает этот факт с трагедией 14 декабря 1825 года, обладавшей пропастью между дворянскими революционерами и народом (XIY, 306). Под углом зрения кризиса идеи дворянской революционности в русском освободительном движении после 1825 года и разочарования Белинского в этих идеях предлагает рассматривать период примирения А. А. Лебедев (см. "Вопросы литературы", 1953, № 1, с. 223). Его гипотеза в ряду других представляется наиболее достоверной.
2. А. Н. Пипин. Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1876, с. 366.
3. Литературное наследие Г. В. Плеханова, об. IY, с. 135.

этого Плеханов сделал тот вывод, что "Белинский уже в конце тридцатых годов был ближе к научному пониманию общественных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев" (X, 236) и что "взгляд Белинского не имеет ничего общего с "субъективной социологией" (X, 346)¹.

Помимо Воллинского и Михайловского, в поле зрения плехановской критики попали и народник Млякотин, утверждавший, что "по взгляду Белинского, историю делают личности, а не массы", и ставивший знак равенства между взглядами Белинского и взглядами субъективной школы на роль личности в истории², и литературовед Венгеров, писавший в народническом "Русском богатстве", что Белинский, обладая "великим сердцем", как мыслитель всего лишь "отражал" Станевича, Боткина, Бакунина, Грановского и Герцена и что, если он и называл себя социалистом, то "только в смысле человека, интересующегося преимущественно социальными", т.е. общественными вопросами³, и историк литературы Пыпин, стремившийся представить социализм Белинского совершенно безобидным. Плеханов дал отпор всем этим попыткам исказить воззрения Белинского и "стереть яркие краски с образа нашего великого писателя" (X, 326).

В тесной связи с историей философских воззрений Белинского Плеханов рассматривал эволюцию его эстетических взглядов. В статье "Литературные взгляды В.Г.Белинского" и речи 1898 года он обратил главное внимание на ту сторону критической деятельности Белинского, которая соответствовала общему направлению его философских исканий, а именно - на его стремление "освободить критические приговоры и суждения от личных вкусов и симпатий критика и поставить их на объективную научную почву" (X, 346).

В народнической литературе о Белинском преобладало мнение, восходившее еще к В.Майкову, что критика Белинского была якобы

1. Ср. с этим характерное заявление Е.Соловьева: "Белинский не только глава русской критики, - писал он, - он нечто больше - он глава всей субъективной школы в социологии, которая до самого последнего времени господствовала у нас и на самом деле оказала немалые услуги нашему самосознанию" и т.п. - В.Г.Белинский в его письмах и сочинениях. СПб., 1898, с.242.
2. "Русское богатство", 1897, № 11, отд.П, с.112.
3. "Русское богатство", 1898, № 3, с.152 и 182.

бездоказательной и основывалась не на эстетической теории, а на эстетическом и нравственном чувстве. Скабичевский, например, указывал, как на самое слабое место критики Белинского, "на отсутствие систематической и последовательной теоретической подкладки под его литературными симпатиями и антипатиями"¹. В своей "Истории литературы" он утверждал, что принцип "искусства для жизни" не был обоснован Белинским теоретически и "словно висел в воздухе"². Другой представитель народнической критики, В.Лавровский, писал, что ни Белинский, ни другие критики-демократы "совершенно не руководствовались какими-либо отвлеченными философскими теориями, а находили точку опоры для своих приговоров, для всей своей деятельности в глубине своей натурн, в своем нравственном чувстве"³. Их точку зрения Лавровский характеризовал как "субъективный материализм". Как и Скабичевский, он полагал, что подлинно научное обоснование литературной критики дал Михайловский, "который поэтому и является наиболее выдающимся представителем того нового направления, за которым со временем, может быть, и останется прозвание философского"⁴.

Некоторые из приведенных высказываний Плеханов, несомненно, имел в виду, когда писал о литературных взглядах Белинского. Пафос статей Плеханова заключается как раз в утверждении того, что Белинский, не довольствуясь в своих литературных суждениях безотчетными мнениями, опирающимися на "случайные убеждения случайной личности", стремился найти для них объективное философско-эстетическое основание. Литературные вкусы, симпатии и антипатии Белинского не оставались неизменными (это Плеханов показал на примере отношения Белинского к комедии Грибоедова "Горе от ума", к Шиллеру и Морж Саид); некоторые эстетические законы интерпретировались им в разное время по-разному; менялись его взгляды на роль искусства в общественной жизни и т.д. - словом, эстетическая мысль Белинского, развиваясь вместе с философской и социально-политической, отражала каждый раз ее изменения, - но Белинский, по замечанию Плеханова,

1. А. М. Скабичевский. Собр.соч. в двух томах, т.1, СПб., 1890, с.458.
2. А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы, с.57.
3. "Неделя", 1875, № 26, стлб.861.
4. Там же, стлб.864.

всегда очень пренебрежительно относился к субъективному методу, как сказали бы у нас теперь, в литературной критике и твердо верил в возможность найти для нее объективную основу" (X, 258)¹. В этом стремлении Белинского опереться в своих суждениях на известные объективные начала Плеханов видел важную черту, сближающую взгляды Белинского со взглядами сторонников диалектического материализма и отличающую его критический метод от "субъективного метода" в литературной критике.

Особенно ярко эта черта, по Плеханову, проявилась в критических суждениях зрелого Белинского, в частности, в статьях о Пушкине. Здесь торжествует историческая точка зрения. Здесь Белинский приурочивает развитие литературы к развитию общественных отношений, и исторической смене различных сословий и классов. То, что Белинский рассматривал великого поэта как представителя лучшей, образованнейшей части дворянства, Плеханов считал "зачатком научной критики, опирающейся на материалистическое понимание истории" (X, 349).

А "такая критика, — замечал Плеханов, — совсем уже не имеет ничего общего с "субъективной" критикой наших дней" (X, 349). Вместе с тем "это ценный переворот, это как раз то, что рекомендуют нынешним критикам экономические материалисты" (X, 302) и, таким образом именно марксисты выполняют "критический завет" Белинского, видевшего в конце своей литературно-критической деятельности "последнюю инстанцию для критики... в историческом развитии обществен-

1. Как известно, такую объективную основу Плеханов видел в неизменном эстетическом кодексе Белинского, состоящем из пяти основных законов (X, 276-277). Положение о неизменности кодекса Белинского вызвало в наши дни возражения. "Точка зрения, что эстетические оценки Белинского не изменились во все периоды его философского развития, ошибочна", — пишет В.А. Фомина в книге "Философские взгляды Г.В. Плеханова" (Госполитиздат, М., 1955, с. 341). Но у Плеханова речь идет не об эстетических оценках, а о таких кардинальных положениях эстетики Белинского, как образная специфика искусства, реализм, единство содержания и формы. Мысль о признании Белинским этих законов и в идеалистический, и в материалистический периоды его эволюции глубока и верна. Другое дело — причины этой устойчивости, чисто и конкретное содержание законов. Здесь Плеханов нуждается в уточнениях.

ных классов и классовых отношений" (X, 304).

Итак, и в области философской, и в области эстетической подлинными продолжателями дела Белинского являются марксисты, а не народники — такова мысль Плеханова, ясно выраженная во всех его работах.

Но не надо забывать, что если не причиной, то поводом для статей Плеханова о судьбах русской критики послужила книга Волынского. В своих работах, рассматривая взгляды "неистового Виссарiona", Плеханов развенчивал и декадентскую ложь о Белинском. Он не оставил камня на камне от измышлений Волынского об отсутствии у Белинского "философского таланта", о бесплодности его деятельности, об отсутствии в русской критике школы Белинского и пр. В своих работах Плеханов неоднократно подчеркивал, что когда просветители 60-х годов — Чернышевский, Добролюбов и др. — смотрели на Белинского как на своего учителя в деле литературной критики, они были совершенно правы: Белинский во многих отношениях был их предшественником (X, 348).

Это положение Плеханов развивал не только в статьях о Белинском, но и в работе "Эстетические взгляды Чернышевского", замыкавшей серию "Судьбы русской критики"¹. Работа эта не содержала прямой полемики ни с Волынским, ни с народниками, но по своему существу была такой же полемичной, как и статьи о Белинском.

Дело в том, что если к Белинскому Скабичевский, Волынский и им подобные критики относились более или менее снисходительно, то философско-эстетические взгляды Чернышевского отвергались ими полностью и безоговорочно. Особенную неприязнь и негодование вызвала у них диссертация Чернышевского "Эстетические отношения искусства к действительности".

По мнению Скабичевского, автор диссертации, говоря о назначении искусства, "высказывает поразительное непонимание целей и значе-

1. Останавливаясь на ней кратко, ибо фактором в литературной борьбе 90-х годов статья стала в незначительной мере: на декабрьской книжке, где появилась ее первая половина, издание "Нового слова" было прекращено. В полном виде под слегка измененным названием работа увидела свет в 1906 году в сборнике "За двадцать лет". Повидимому, Плеханов собирался включить в названную серию также статьи о Добролюбове и Писареве (см. X, 176 и 296), но закрытие "Нового слова" оставило этот замысел несуществующим.

ния искусства, полное отсутствие эстетической жилки, вследствие чего обивается на совершенно ложный путь"¹. "Прочтите "Эстетические отношения искусства к действительности", - писал в свою очередь Волынский, - это свод мертвящих критериев, целая программа войны против искусства... это самый строгий кодекс русского утилитаризма, самое яркое выражение начавшегося умственного декаданса"². Примечательно, что и тот и другой резной чертой отделяли Чернышевского от Белинского.

В своей работе Плеханов и поставил задачей разоблачить ту "свирепую и нелепую неправду", какую говорили о Чернышевском и его трактате "филистеры чистого искусства и якобы философской критики" (У1 252).

Прежде всего, он выявил роль Чернышевского как продолжателя литературного дела Белинского. "Диссертация Чернышевского, - писал Плеханов, - явилась дальнейшим развитием тех взглядов на искусство, к которым пришел Белинский в последние годы своей литературной деятельности" (У1, 251). Подобно Белинскому, Чернышевский стремился дать эстетике твердое философское, научное основание. Такой основой был для него, с точки зрения Плеханова, материализм Фейербаха.

Доказав положение о том, что февербаховское учение действительно является материализмом чистой воды³, Плеханов именно в материалистическом характере учения Чернышевского увидел его главное достоинство. Излагая и комментируя взгляды Чернышевского на прекрасное, возвышенное, трагическое, на задачи искусства и т.д., Плеханов приходил к выводу, что его диссертация - "в высшей степени

1. А. М. С к а б и ч е в с к и й. История новейшей русской литературы .66.

2. А. В о л ы н с к и й. Русские критики, с. 766.

3. Народник Н. Русанов еще в 1909 году в статье "Ученики Маркса о Чернышевском" писал о том, что "г. Плеханов чересчур просто и легко зачисляет Фейербаха в ряды чистокровных материалистов". По его мнению, "в мировоззрении Фейербаха легче найти элементы хотя бы учения о чистом опште, как оно было развито впоследствии школой Авенариуса, столь нелюбимой г. Плехановым, чем законченную систему материализма." ("Русское богатство", 1909, № 11, отд. П, с. 50 и 52).

серьезное и замечательное для своей эпохи произведение" (У1, 269)¹. Завоевав и поделив Плеханов открытие Чернышевского о зависимости эстетических вкусов и понятий людей от условий общественной жизни. Он назвал его гениальным.

Будучи первой попыткой научного анализа работы Чернышевского, статья Плеханова успешно противостояла идеалистическим интерпретациям эстетики замечательного мыслителя-материалиста.

В народнической литературе 90-х годов и последующего времени работы Плеханова о Белинском и Чернышевском встретили, естественно, отрицательную оценку. Н. К. Михайловский утверждал, что Каменский (под этим псевдонимом шли статьи Плеханова в "Новом слове") своими статьями о Белинском "воскрашает гегелианство"². П. Николаев объявлял безнадежной попытку Плеханова "представить Белинского предтечей экономического материализма"³. В. Мясотин отвергал плехановскую трактовку "примирительного периода" в духовном развитии Белинского⁴. Позже, касаясь плехановской концепции развития русской общественной мысли от 40-х до 90-х годов, анонимный рецензент "Русского богатства" ясно указал на то основное в ней, что было неприемлемо для народников. Изображая, вслед за Михайловским, Плеханова закоренным гегельянцем, готовым положить к ногам гегелевской диалектики всю историю умственного развития России, он писал: "Белинский, Гершен, Чернышевский - чем они были прежде всего? Конечно, людьми, прошедшими школу гегельянства, и уже одно это располагает в их пользу Плеханова, и располагает постольку, поскольку он слышит в них верных паладинов "диалектики". Затем начинается расценка с этой точки зрения всей нашей истории последних трех четвертей века... И понятны результаты всего этого: эпоха 70-х годов,

1. В архиве Дома Плеханова хранится подробный конспект "Эстетических отношений", сделанный Плехановым по энциклопедическому изданию 1868 года. Он содержит ряд замечаний, не нашедших отражения в статье. См. о них в нашем соображении "Из материалов архива Дома Плеханова. Г. В. Плеханов о диссертации Н. Г. Чернышевского". - "Русская литература", 1971, № 2, с. 146-149.

2. Н. К. М и х а и л о в с к и й. Полн. собр. соч., т. УШ, с. 688.

3. "Русская мысль", 1897, № 10, с. 468.

4. "Русское богатство", 1897, № 11, отд. П, с. 94-115.

онаменованная глубоким идейным и общественным тупиком, оказывается каким-то провалом в нашей истории, — по крайней мере сам Г. Плеханов от гегельянства 40-х и 60-х годов проводит через голову семидесятников прямую связующую линию к гегельянцам 80-х гг., т.е. к самому себе¹.

Что развитие передовой философской мысли в России шло от Белинского и Чернышевского к марксизму, минуя "эпоху 70-х годов" с господством субъективной школы Михайловского и Лаврова, — эта основная идея плехановских работ, вызвавшая негодование народников, нашла подтверждение в трудах В.И. Ленина. "В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России, — пишет В.И. Ленин. — Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т.е. до 80-х годов XIX века) над уступками идеализму и мистике, которые делали модные "позитивисты" (кантианцы, махисты и т.п.). А Михайловский шел именно за такими позитивистами"². С другой стороны, В.И. Ленин положительно оценил работы Плеханова, выявляющие соотношение между материалистическими традициями в русской философии и марксизмом. По его словам, "Плеханов в своей книге о Чернышевском (статья в сборнике "Социал-демократ", изданная отдельной книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса"³.

Из этого не следует, что концепция соотношения революционно-демократического, народнического и марксистского этапов в развитии русской общественной мысли, развернутая в "Судьбах русской критики", свободна от ошибок. Они были, хотя и не там, где их искал упомянутый рецензент. Плеханов был прав, отсекая субъективную школу от магистральной материалистической линии в развитии русской философии. Но спор вокруг "наследства" касался не только философии. Во всяком случае Н.К. Михайловский (возьмем фигуру наиболее крупную и яркую), говоря о своей верности традициям 60-х годов и обвиняя марксистов в отказе от них, имел в виду не только ее. Он считал себя продолжателем главного принципа в деятельности демократов той эпохи: "принцип этот — интерес освобожденного народа, иначе говоря, нужды и чаяния

1. "Русское богатство", 1903, № 12, отд. II, с. 103-104.
 2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 335.
 3. Там же, т. 4, с. 259.

большинства населения"¹, то есть крестьянства. И в этом отношении его слова о верности наследству, как явствует из статьи В.И. Ленина "Народники о Н.К. Михайловском" (1914)², не были пустым звуком. (Отсюда и упреки в адрес "русских учеников", которые ставили во главу угла интересы пролетариата, пренебрегая тем самым, как ему казалось, интересами крестьянства). Исходя из этого критерия "политического добра и зла", Михайловский вел неустанную борьбу с различными антидемократическими тенденциями в литературе 70-80-х годов (выступления против "Недели", В. Розанова, Р. Сементковского, П. Боборыкина, Н. Минского, А. Волынского и др.). На этой же почве выросло его резкое неприятие — вполне в духе Белинского и Чернышевского — теории "чистого искусства", защита, хотя и непоследовательная, реализма. Эти — бесспорно положительные моменты в позиции и деятельности Михайловского не были отмечены Плехановым ни в 90-е, ни в последующие годы³, что было, конечно, отклонением от правды истины и правды-справедливости. В исторической ретроспективе и в свете ленинской оценки народничества и Михайловского ("От какого наследства вы отказываетесь?", "Народники о Н.К. Михайловском и др.") это очевидно.

Допущенная здесь односторонность — "в природе" плехановского метода исследования философских и общественных учений, ориентированного скорее на их формально-теоретическое, чем реальное содержание. Она проявилась и в анализе взглядов Белинского и Чернышевского (недостаточное внимание к реальным источникам их теорий, к революционно-демократической стороне их воззрений).

1. Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. УП, с. 333.
 2. См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333-334.
 3. Негодую по поводу положительной статьи "Искры" о Михайловском (в связи с юбилеем 40-летия литературной деятельности последнего), Плеханов писал Ленину 13 марта 1901 года: "Он был представителем литературного упадка... Будущему историку литературы стыдно будет за юбилей этого ничтожества" и т.п. Тогда же он собирался "разделать под орех" сборник "На славном посту", посвященный Михайловскому. — Ленинский сборник, III, М., Л., 1925, с. 141, 157. Об односторонне-критическом отношении Плеханова к Михайловскому см. также: О. В. Аптектман. Г.В. Плеханов. Из личных воспоминаний, Л., 1924, с. 64.

При всем том "Судьбы русской критики" - замечательное произведение ранней марксистской эстетики, давшее в целом правильные ответы на вопросы о том, "от какого наследства мы отказываемся" и "какое наследство мы принимаем" и сыгравшее положительную роль в борьбе "русских учащихся" за наследие революционных демократов.

Статьи Плеханова о народнической литературе и титасиках русской демократической критики - вместе с другими работами пионера марксистской мысли в России - в конкретных обстоятельствах литературно-общественной борьбы 80-90-х годов способствовали победе марксизма над народничеством, над "субъективной школой" в социологии и эстетике. Они содержали наиболее глубокую для своего времени оценку творчества писателей-народников и теоретического наследия революционных демократов, утверждали методологические принципы марксизма в области социологии искусства и литературной критики, открывал тем самым новый - марксистский - этап их исторического развития в России.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

И з д а н и я с о ч и н е н и й Г. В. П л е х а н о в а

Бельтов (Плеханов Г.В.). За двадцать лет. СПб., 1905; изд. 3-е, доп., СПб., 1908.

Плеханов Г.В. Сочинения, тт.1-XXIV, М.-Л., Госиздат, 1923-1927.

Литературное наследие Г.В.Плеханова, об.1-УШ, М., Соцгиз, 1934-1940.

Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., Гослитиздат, 1948.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, тт.1-У, М., Госполитиздат, 1956-1958.

Плеханов Г.В. Литература и эстетика, тт.1-II, М., Гослитиздат, 1958.

Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова, тт.1-III, М., "Наука", 1973.

Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства в 2-х томах. М., "Искусство", 1978.

Л и т е р а т у р а о Г. В. П л е х а н о в е

В. И. Ленин о Г. В. Плеханове (библиография). - В кн.: Сидоров М.И. Г.В.Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., АН СССР, 1957, с.135-147.

Аксельрод И. И. Плеханов об искусстве. - "Возрождение", 1909, № 9-12; 1910, № 1.

Антонов М. И. (Булганов М. И.). Евангелие русской социал-демократии (О книге г.Бельтова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю"). СПб., 1906.

Без подписи (Русанов Н.С.?). История русской литературы. Под ред. Д.Н.Овсяннико-Куликовского, вып.12-13. - "Русское богатство", 1900, № 1.

Валентинов Н. (Волжский Н. В.). Бельтов. За двадцать лет. - "Правда", 1905, № 7.

Гармодий (Брюсов В. Я.). Бельтов. За двадцать лет. - "Весы", 1905, № 11.

Ельницкий А. Г. В. Плеханов. - "Образование", 1906, № 1.
Иванов - Разумник Р. В. История русской общественной мысли, т. II, СПб., 1907.

Иванов - Разумник. Марксистская критика. - В его кн.: Литература и общественность. СПб., 1910.

Клейнборг А. На боевом посту. - "Образование", 1906, № 10.

Кудрин Н. (Русанов Н. С.). На высотах объективной истины. - "Русское богатство", 1895, № 5.

Луначарский А. В. Ибсен и мещанство. - "Образование", 1907, № 5.

Ляцкий Е. Вельтов. За двадцать лет. СПб., 1906. - "Вестник Европы", 1906, № 10.

Михайловский Н. К. "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Н. Вельтова. - В его кн.: Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1914.

Михайловский Н. К. О совести г. Минского, страхе смерти и жаде бессмертия. - В его кн.: Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1914.

Михайловский Н. К. О новых словах и о "Новом слове". В его кн.: Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1914.

Мякотин В. Новые слова о старых деятелях. - "Русское богатство", 1897, № 11.

Николаев П. Певцы и публицисты экономического материализма. - "Русская мысль", 1897, № 10.

Овсяннико - Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции, ч. 2, СПб., 1911.

Пильский П. Марксистская критика. - В кн. П.: Критические статьи, СПб., 1910.

Редько А. Е. Литературные наброски. - "Русское богатство", 1906, № 11.

Русанов Н. С. Ученики Маркса о Чернышевском. - "Русское богатство", 1909, № 11.

Турский М. Социал-демократ. Литературно-политический сборник, кн. 1. - "Свобода", 1898, № 13-14.

Чуковский К. Циферблат г. Вельтова. - "Весы", 1906, № 2.

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Эгоизм и воспоминания. Л., Госиздат, 1925.

Аптекиан О. В. Общество "Земля и Воля" 70-х годов", "Колоде", 1924.

Аптекиан О. В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., "Колоде", 1924.

Аспус В. Ф. Вопросы эстетики в трудах Г. В. Плеханова. - "Под знаменем марксизма", 1943, № 6.

Астахов В. Г. Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский. Сталинабад, 1961.

Бельчиков Н. Ф. Плеханов - литературный критик. М., "Знание", 1958.

Бессонов В. К. вопросу о методе Плеханова - литературного критика. - Известия АН СССР. Отд. лит. и яз., 1957, т. XVI, вып. 3.

Бессонов В. Литературно-критическая деятельность Г. В. Плеханова в 1880-е годы. - "Русская литература", 1959, № 4.

Бессонов В. Критик философ, критик-социолог. - Русская литература", 1960, № 1.

Бурсов Б. И. Плеханов. - В кн.: История русской критики, т. II, М.-Л., АН СССР, 1958.

Бурсов Б. И. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова в кн.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика, т. 1, М., Гослитиздат, 1956.

Бурсов Б. И. Плеханов и Валинский. - Литературное наследство, 1948, т. 55.

Волен А. Плеханов как историк литературы. - "Под знаменем марксизма", 1928, № 5.

Горбанев Н. А. Плеханов об идейных и художественных особенностях народнической литературы. - Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та, 1964, т. IV.

Горбанев Н. А. Плеханов и реакционная беллетристика 80-90-х годов. - "Русская литература", 1968, № 1.

Горбанев Н. А. В. И. Ленин и письма. "Из деревни" А. Н. Энгельгардта. - "Филологические науки", 1970, № 1.

Горбанев Н. А. Плеханов в литературной борьбе начала XX века. Махачкала, 1972.

Деркач С. С. Г. В. Плеханов и писатели-народники. - Уч. зап. Ленинградского ун-та, 1971, № 349, серия филол. наук, вып. 74.

Забабурова Н.В. Г.В. Плеханов и А. Луначарский об Ипполите Тэн. - В об.: Вопросы зарубежной литературы, Ростов-на-Дону, 1971.

Иовчук М.Т. Г.В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960.

Кабисов Р.С. Русская революционно-демократическая мысль как важнейший источник эстетики Плеханова. - Изв. Юго-Осетинского научн.-исслед. ин-та, 1971, т.ХУП.

Козьмин В.Н. Один из первых литературных опытов Г.В. Плеханова. - "Каторга и ссылка", 1927, № 7.

Кулешов В.И. Плеханов. - В его кн.: История русской критики ХУШ-ХІХ веков. М., "Просвещение", 1978.

Лифищич И.И. Очерки общественной деятельности и эстетических взглядов Г.В. Плеханова. - В кн.: Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства, т.1, М., "Искусство", 1978.

Луначарский А.В. Г.В. Плеханов как литературный критик. - В его кн.: Собр. соч. в 8-ми томах, т.8, М., 1967.

Марди М.М. Плеханов и Тэн. - Уч. зап. Тартуского ун-та, Тарту, 1975, т.ХХІУ, вып.368.

Мейлах Е.С. Ленин и проблемы русской литературы конца ХІХ - начала ХУ вв., Л., 1956.

Меников А.С. Борьба Плеханова за Белинского с реакционной критикой. - В кн.: Белинский - историк и теоретик литературы. М.-Л., АН СССР, 1949.

Николаев П.А. Г.В. Плеханов и литературное народничество. - Научные доклады Высшей школы, Филологическая наука, 1958, № 3.

Николаев П.А. Эстетика и литературные теории Г.В. Плеханова. М., "Искусство", 1968.

Николаев П.А. Возникновение марксистского литературоведения в России. Изд-во Московского ун-та, 1970.

Рановская Н.М. Г.В. Плеханов и борьба за литературно-критическое наследие В.Г. Белинского (30-е годы ХІХ века). Одесса, 1974.

Розенталь М.М. Вопросы эстетики Плеханова. М., Гослитиздат, 1939.

Розенталь М.М. Русская классическая эстетика и эстетика Плеханова. - "Новый мир", 1943, № 5.

Розенталь М.М. Эстетические и литературно-критические взгляды Г.В. Плеханова. - В кн.: Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., Гослитиздат, 1948.

Сидоров М.И. Г.В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли ХІХ в. М., АН СССР, 1957.

Соколов Н.И. Творчество Глеба Успенского в оценке Г.В. Плеханова. - Уч. зап. Ленинградского ун-та, 1954, № 173, вып. 20.

Фридлендер Г.М. Основные линии развития русской литературной критики от 30-х годов ХІХ века до 1917 года. - В кн.: История русской критики, т.11, М.-Л., АН СССР, 1958.

Якоч Даниель. Глеб Успенский в оценке Г.В. Плеханова.

Dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Материалы и сообщения по славяноведению, III. Szeged, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	3
ПЛЕХАНОВ И НАРОДНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 70-80-Х ГОДОВ.....	5
1. Общая концепция.....	5
2. Н. И. Наумов и Н. Н. Знаговратский.....	21
3. Г. И. Успенский.....	38
4. С. Каронин (Н. Е. Петропавловский).....	54
"СУДЬБЫ РУССКОЙ КРИТИКИ" И ПРОБЛЕМА НАСЛЕДСТВА.....	70
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	93

Горбанев Николай Алексеевич

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ
ПЛЕХАНОВ И ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА 80-90-Х ГОДОВ

Пособие по спецкурсу

Редактор Рязанова И.ф.
Корректор Алиева Ф.А.

Подписано в печать 9.09.1981 г. формат 60x90 1/16 Бумага газ.
Печать офсетная. Печ.л. 5. Уч.-изд.л. 5.
Тираж 250 экз. Заказ № 691 Цена 15 коп.
Темплан 1981 № 1619

Редакционно-издательский отдел
Дагестанского государственного университет им. В.И.Ленина

Размножено в копировально-множительной лаборатории ДГУ
им. В.И.Ленина. "Ромтор-3". Махачкала, Советская, 8

Цена 15 коп.

888500

82-4
8540a